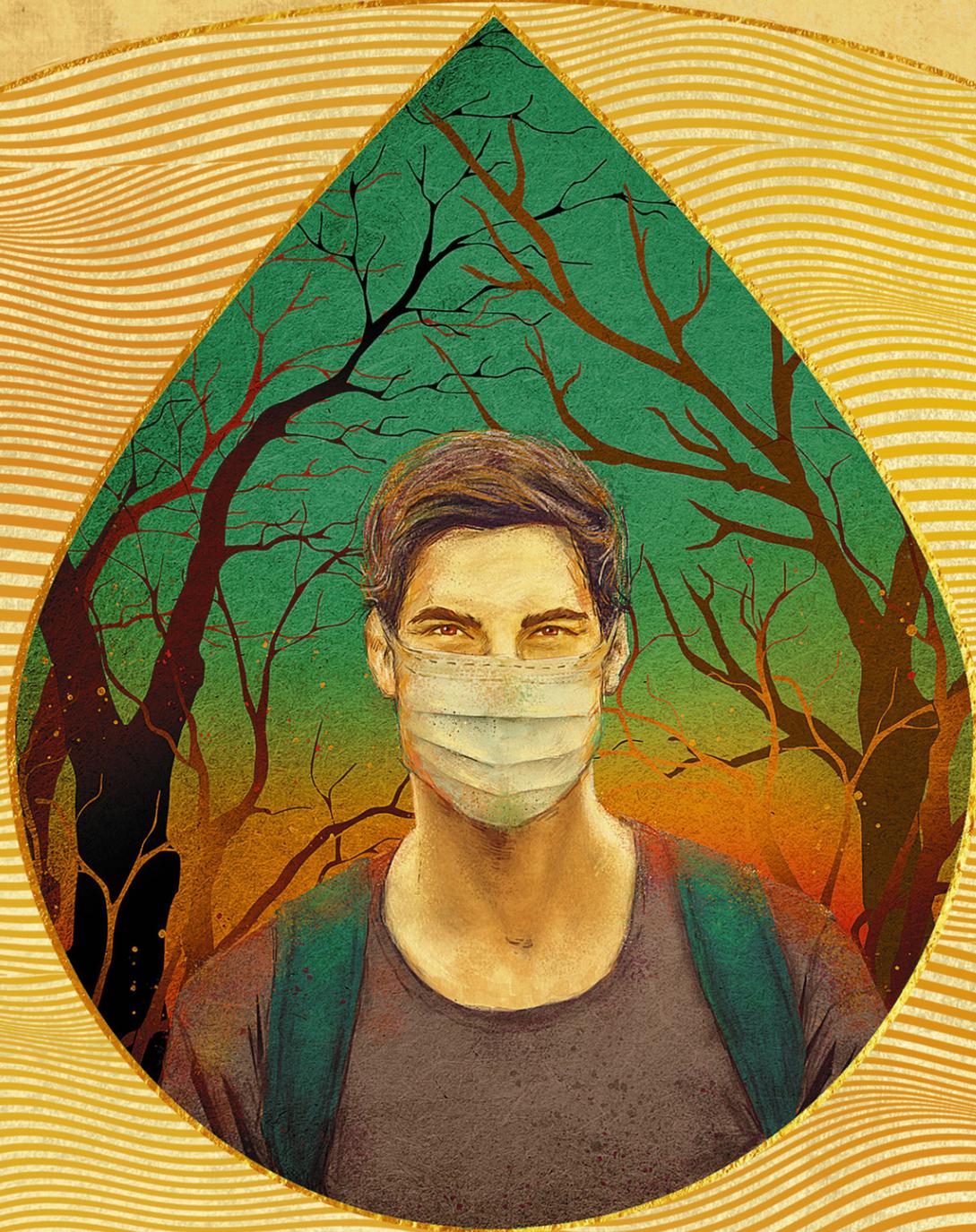

НИЛ ШУСТЕРМАН & ДЖЕРРОД ШУСТЕРМАН

ЖАЖДА

Жатва смерти

Нил Шустерман

Жажда

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Шустерман Н.

Жажда / Н. Шустерман — «Издательство АСТ», 2018 — (Жатва смерти)

ISBN 978-5-17-114314-5

Калифорния охвачена засухой. Теперь каждый гражданин обязан строго соблюдать определенные правила: отказаться от полива газона, от наполнения бассейна, ограничить время принятия душа. День за днем, снова и снова. До тех пор, в кранах не останется ни капли влаги. И тихая улочка в пригороде, где Алисса живет со своими родителями и младшим братом, превращается в зону отчаяния. Соседи, прежде едва кивавшие друг другу, вынуждены как-то договариваться перед лицом общей беды. Родители Алиссы, отправившиеся на поиски воды, не вернулись домой, и девушка-подросток вынуждена взять ответственность за свою жизнь и жизнь малолетнего брата в свои руки. Либо они найдут воду, либо погибнут. И помощи ждать неоткуда...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-114314-5

© Шустерман Н., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть 1	5
День первый	5
Стоп-кадр: Джон Уэйн	16
День второй	19
Стоп-кадр: новости интернет- телевидения	26
День третий	29
Часть 2	41
Стоп-кадр (первый из трех): активистка	41
Стоп-кадр (второй из трех): транспорт водоснабжающей компании округа Ориндж	42
Стоп-кадр (третий из трех): менеджер электростанции	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Нил Шустерман, Джеррод Шустерман

Жажда

Часть 1

Исчерпание ресурсов

День первый

Суббота, 4 июня

1) Алисса

Кран на кухне выдает звуки жуткие, поистине фантастические! Кашляет и хрипит, как будто у него астма, булькает, словно утопленник, после чего выплевывает пару капель воды и затихает. Наш пес Кингстон, нервно поводя ушами, на всякий случай отходит от него подальше, ожидая, когда тот вернется к жизни. Но – увы! – ожидания его напрасны.

Мать в недоумении стоит у раковины, держа принадлежащую Кингстону миску под умершим водопроводом. Заворачивает кран и зовет:

– Алисса! Сходи-ка за отцом.

С тех пор как отец сам, без посторонней помощи, полностью переоборудовал нашу кухню, он считает себя водопроводчиком высшей квалификации. А заодно и электриком.

– На кой черт платить бешеные деньги пришлым мастерам, если все можешь сделать сам? – как-то решил он и взялся за дело.

С тех пор дня не проходит, чтобы у нас не ломался водопровод и не отключалось электричество.

Сейчас отец в гараже – чинит машину на пару с дядей Базиликом, который живет у нас с тех пор, как прогорела его ферма в Молесто, где он пытался выращивать миндаль. Вообще-то, настоящее имя нашего дяди – Герберт, но в юности к нему привязалась кличка «Гербарий», и когда мы с братом подросли, то принялись звать его по названиям разных растений, что росли у нас в огороде. То он у нас дядя Укроп, то дядя Чабрец, то дядя Лук. Наши родители никогда не забудут то время, когда мы величали его дядей Каннабисом. В конце концов, мы остановились на Базилике – это имя подходило дяде лучше всего.

– Пап! – кричу я в темные недра гаража. – На кухне беда.

Ноги моего отца торчат из-под нашей «Камри», словно ноги Злой Ведьмы Востока из страны Оз, когда ту раздавил домик девочки Дороти. Дядя Базилик окутан клубами дыма, исторгаемого им из электронной сигареты.

– Подождать нельзя? – спрашивает отец из-под машины.

Но мне уже понятно, что любая задержка фатальна.

– Мне кажется, там полный трывдец, – говорю я.

Отец с тяжелым вздохом выползает из-под машины и направляется в сторону кухни.

Матери на кухне нет. Она стоит в коридоре, ведущем в гостиную. Просто стоит, держа в левой руке пустую собачью миску для воды, но у меня по спине пробегает холодок. Даже не знаю почему.

– И что ж такое случилось, что нужно было тащить меня... – начинает отец.

– Заткнись! – обрывает его мать.

Мать редко бывает с ним груба. Она может быть резкой со мной или с Гарреттом, но между собой родители вообще не ругаются. Это неписанный закон нашей семьи.

Она уставилась в ящик, где ведущий новостей лопочет что-то про «кризис водоснабжения». Так теперь в газетах и на телевидении называют засуху с тех пор, когда людям осточертело само это слово «засуха». Точно таким же образом «глобальное потепление» превратилось в «изменения климата», а «война» – в «конфликт».

Правда, теперь в ходу новое выражение, характеризующее очередной этап постигшей нас беды. В ящике и газетах это называется «исчерпание ресурсов».

Дядя Базилик появляется из-за своего облака дыма, чтобы спросить:

– Что происходит?

– Аризона и Невада вышли из соглашения по совместному использованию водных ресурсов, – отвечает мать. – Прикрыли заглушки на всех дамбах и говорят, вода им самим нужна.

Это означает, что река Колорадо уже никогда не дойдет до Калифорнии.

Дяде требуется время, чтобы осознать происходящее.

– Они вырубали целую реку, словно это водопроводный кран, – говорит он. – А у них есть такое право?

– Сделали же! – отзывается отец, нахмутив лоб.

На экране возникает картинка пресс-конференции: губернатор обращается к толпе словно бы пораженных нервным тиком журналистов.

– К сожалению, это случилось, хотя это и не было неожиданностью, – вещает губернатор. – В настоящий момент наши люди круглосуточно работают с рядом агентств над выработкой нового соглашения.

– Что он имеет в виду, черт возьми? – спрашивает дядя, но мы с мамой жестом останавливаем его. Губернатор же продолжает:

– В качестве мер предосторожности все наличные водные ресурсы в округах и муниципальных образованиях Южной Калифорнии направляются на удовлетворение самых острых нужд. Прошу всех вас оставаться предельно спокойными. Готов уверить каждого из жителей штата, что это – *временные* трудности и никаких оснований для серьезного беспокойства нет.

Журналисты обрушивают на губернатора шквал вопросов, но он исчезает из поля зрения камер, не ответив ни на один.

– Похоже, в нашем штате не один Кингстон остался без воды, – говорит дядя Базилик. – Скоро нам всем придется пить из туалетного бачка.

Гарретт, мой младший брат, который сидит на диване и ждет, когда по ящику станут опять показывать что-нибудь стоящее, делает соответствующую физиономию, отчего дядя смеется.

– Ну что ж, – говорит отец с видимым облегчением, – по крайней мере, на сей раз виноват не я.

Я иду на кухню – может, у меня получится? Может, у меня легкая рука? Ни-че-го. Ни малейших признаков воды. Наш кран отдал богу душу, и никакое искусственное дыхание его не возродит. Отмечаю про себя время, как это делают в палатах интенсивной терапии, когда пациент откидывает коньки: час тридцать две пополудни, четвертое июня.

«Мы навек запомним день и час, когда в кранах кончилась вода, – думаю я. – Как и время, когда был убит президент».

За моей спиной Гарретт открывает холодильник и, достав бутылку ледяного «Каторейда», припадает к ней. Но я останавливаю его уже на третьем глотке.

– Положи назад, – говорю я, – оставь немного на потом.

– Но я хочу пить сейчас, – протестующе скулит Гарретт.

Ему десять лет – на шесть лет моложе меня. Десятилетки неспособны думать хотя бы на шаг вперед.

Но бутылка почти уже пуста, и я позволяю брату допить ее. Бегло осматриваю содержимое холодильника. Пара банок пива. Еще три бутылки «Каторейда» по четверти литра каждая, почти пустая бутылка молока да всякие объедки.

Иногда ты просто не представляешь, как хочется пить, пока не сделаешь первый глоток. Именно это я и поняла, когда заглянула в недра холодильника.

Теперь я знаю, что такое предчувствие беды.

С улицы раздаются голоса соседей. Мы с ними знакомы, хотя и редко пересекаемся. Единственный день, когда они все толпой вываливают на улицу, это День независимости. То же самое произойдет, если случится быть землетрясению.

На этот раз мы все – родители, я, Гарретт – выходим на улицу. Соседи стоят, обмениваясь странными взглядами, как будто ждут друг от друга указаний, как им себя вести, или же, по крайней мере, подтверждения того, что то, что происходит, происходит на самом деле.

Джанетт и Стью Лисон с той стороны улицы, чета Малескис со своим грудничком и мистер Бернсайд, которому, сколько бы я его ни помнила, всегда было ровно семьдесят лет. Как мы и ожидали, не появились только наши ближние соседи, вечные затворники Макрекены, которые наверняка, как только услышали новости, забаррикадировали свои двери изнутри.

Все мы стоим на улице, засунув руки глубоко в карманы, избегая встречаться взглядами, словно школьники на первом школьном балу.

– Ну, – наконец заговаривает мой папа, – признавайтесь, кто из вас нагадил Аризоне и Неваде?

Каждый из стоящих усмехается. Не потому что шутка такая уж смешная, а потому что она, по крайней мере, частично снимает напряжение.

Мистер Бернсайд окидывает всех взглядом.

– Разве я не говорил, что эти убудки захотят прибрать к рукам всю реку Колорадо? – произносит он.

Подумав мгновение, качает головой и продолжает:

– Мы позволили реке стать хозяйкой наших жизней. Теперь мы уязвимы как никто.

Он прав. Мало кто задумывался, откуда приходила к нам вода. Она просто текла к нам в дома – и все. Но когда Калифорнийская долина начала высыхать, а цены на производимую здесь продукцию взлетели до небес, люди поневоле начали обращать на это внимание. Достаточно для того, чтобы формулировать предложения и принимать законы. Большинство из этих законов были лишены смысла, но людям казалось, что они, по крайней мере, хоть что-то делают. Так было, например, с законом, запрещающим использовать воду для игр – швыряться водяными бомбочками стало опасно.

– А в Лас-Вегасе вода пока есть, – замечает кто-то.

Наш сосед Стью качает головой:

– Верно. Я звонил, пытался там забронировать номер – ничего не вышло. Миллион номеров, и все забиты.

Мистер Бернсайд, явно наслаждаясь неудачей, постигшей соседа, печально улыбается:

– Если быть точным, сто двадцать четыре тысячи. Похоже, всем людям одновременно пришла в голову эта идея.

– Представляете, что творилось на пятнадцатом федеральном шоссе? – невесело качает головой мать. – Не хотелось бы мне там оказаться.

Вставляю свои два цента и я:

– Если они придерживают оставшуюся воду для самых острых нужд, наверняка у них есть еще немного. Можно подать в суд, и они ее отдадут. Хотя бы в режиме веерных отключений. И все мы будем получать воду ежедневно, хотя бы понемногу.

Мое предположение производит на моих родителей сильное впечатление. Прочие смотрят на меня с нескрываемым восхищением, и мне это приятно. Родители убеждены, что когда-нибудь я стану юристом. Возможно, так и будет – если к тому времени у нас что-то еще «будет».

Сейчас же моя идея вряд ли кому-нибудь поможет, какой бы замечательной она ни была. Власть имущие слишком уж заинтересованы в этом ресурсе, чтобы хоть часть выпустить из-под контроля. А может быть, и воды-то совсем уже не остается!

Пищит чей-то телефон, принимая сообщение. Джанетт смотрит на свой «андроид» и хмыкает:

– У моих родственников в Огайо – то же самое. Теперь мне еще и за них беспокоиться!

– Напишите им: «Пришлите воды», – ухмыляется мой отец.

– Мы справимся, – успокоительным тоном говорит моя мать. Она практикующий психолог, и успокаивать – ее работа. Если точнее – вторая натура.

Гарретт, до этого стоявший спокойно, подносит к губам свою бутылку «Каторейда», и все невольно замолкают, словно впадают в ступор. Соседи замороженно смотрят, как братишка заглатывает жидкость. Наконец тишину прерывает мистер Бернсайд.

– Ну что ж, – произносит он, – поговорим об этом в следующий раз.

Так он обычно заканчивает все разговоры, и это – сигнал, обрывающий наше минутное единение. Все прощаются и направляются к своим домам, бросив последний взгляд на пустую бутылку в руках Гарретта.

Позже, часов в пять, дядя Базилик провозглашает:

– Пора в «Костко». Кто со мной?

«Костко» – гипермаркет самообслуживания. Удобно и недорого.

– Можно мне «хот-дог»? – просит Гарретт. Он уверен: даже если ему с ходу откажут, свой «хот-дог» он все равно получит. Дядя для него не противник.

– «Хот-доги» – не главная наша проблема, – говорю я брату.

Он не спорит. Он знает, куда и зачем мы едем – не такой он дурачок. И, тем не менее, за свой «хот-дог» он спокоен.

Мы забираемся в полноприводный пикап дяди Базилика, слишком уж навороченную для человека его возраста тачку.

– Мама сказала, в гараже есть еще несколько бутылок воды, – говорит Гарретт.

– Нам нужно гораздо больше, чем «несколько», – говорю я, быстро производя в голове подсчеты. Я тоже видела эти бутылки. Девять штук по пол-литра. Нас пятеро. Воды не хватит и на день.

Выведя машину с нашей улицы на шоссе, дядя говорит:

– Округу понадобится не больше суток, чтобы наладить снабжение. Нам и нужно-то всего пару коробок.

– И «Каторейда», – говорит Гарретт. – Не забудьте про «Каторейд».

«Каторейд» полон электролитов. Именно эту фигню впаривают в рекламе. Хотя Гарретт понятия не имеет, что такое электролит.

– Посмотрите на это дело с другой стороны, – говорит дядя Базилик. – Пару дней вы не будете ходить в школу.

Калифорнийский вариант снежной бури.

До конца семестра в младших классах – всего несколько дней. Нам же, старшим, наверняка продлят учебный год, отчекрывив от каникул.

На парковке «Костко» яблоку негде упасть. Похоже, сюда съехались все люди из нашей округи. Нам не остается ничего другого, как медленно кружить в поисках места для парковки. Наконец дядя достает свою карточку «Костко» и протягивает мне.

– Вы вдвоем идите внутрь. Я вас найду, когда припаркуюсь.

Интересно, а как он попадет внутрь без своей карточки? Но наш дядя Базилик вывернется из любого затруднительного положения, а потому мы с Гарреттом выбираемся из машины и присоединяемся к потоку людей, вливаемому в ворота склада. Внутри – настоящая Черная пятница в самом жутком своем варианте, но сегодня народ явился не за телевизорами и видеоиграми. Тележки у касс забиты консервами, туалетными принадлежностями, но, в основном, водой. Самые важные в жизни вещи.

Я сразу чувствую, что что-то здесь не так. Не уверена, что знаю, что происходит, но это висит в воздухе. Люди с какой-то ожесточенностью толкают вперед свои тележки – едва не врубаясь в тех, кто мешает им поскорее пробиться сквозь толпу. Витают ощущение некоей доисторической враждебности, плохо скрываемой под налетом цивилизованной вежливости. Причем налет этот с каждой минутой становится все тоньше и тоньше.

– Не тележка, а урод какой-то, – говорит Гарретт. Он прав. Втулка одного колеса согнута, и, чтобы протолкнуть тележку вперед, нужно накренить ее и катить на трех нормальных колесах. Я смотрю назад, на вход в склад. Там оставалось еще две тележки, но и их сейчас займут.

– Пойдет, – говорю я Гарретту, и мы пробираемся сквозь толпу в правый задний угол, где находятся паллеты с водой. Двигаясь к нашей цели, слышим разговоры снующих вокруг людей.

– Агентство по чрезвычайным ситуациям нам не поможет, – говорит одна женщина другой. – Им бы разобраться с «Ноем».

Они имеют в виду набросившийся на штат ураган.

– Разве мы виноваты? – говорит женщина справа. – Восемьдесят процентов воды забирает сельское хозяйство.

Слева – вновь женский голос:

– Если бы администрация тратила силы на поиски новых источников воды, а не на то, чтобы штрафовать нас за то, что мы наполняем наши домашние бассейны, мы не оказались бы в такой ситуации.

Гарретт поворачивается ко мне:

– У моего друга Джейсона в гостиной гигантский аквариум, а его предков не оштрафовали.

– Это не то, – отвечаю я. – Рыбки считаются домашними питомцами.

– Но это же все равно вода.

– Тогда пойди и выпей ее, – говорю я резко, чтобы Гарретт заткнулся. Нет у меня времени, чтобы думать о чужих заботах. Своих хватает. Но, похоже, из нас двоих это касается только меня, поскольку Гарретт уже улизнул на охоту за бесплатными образцами продуктов.

Я толкаю тележку вперед, а она кренится влево, и мне приходится нажимать на ее правый бок, чтобы сломанное колесо не тормозило.

Задний отсек склада забит народом, но когда я добираюсь до последнего прохода, где обычно стоят паллеты с водой, то обнаруживаю, что они пусты. Мы опоздали.

Ели бы мы приехали сюда, как только вырубился кран, мы бы успели! Но, увы, всегда тормозишь, стоит случиться чему-то серьезному. Не то чтобы ты отказывался это принять. И это не шок. Скорее, некое совершаемое в уме свободное падение. Тратишь слишком много времени, чтобы примириться с возникшей проблемой, и не понимаешь, что нужно предпринять, пока врата возможностей не закрылись.

Я думаю о тех людях в Саванне. Что они делали и чувствовали в тот момент, когда ураган «Ной», вместо того чтобы отправиться к морю, как предполагалось, резко изменил маршрут и пошел на город? Как долго они стояли и немигающими взорами смотрели на экраны телевизоров, вместо того чтобы по-быстрому собраться и дать деру? Я могу сказать: три с половиной часа.

Люди позади меня, не видящие, что паллеты пусты, продолжают напирать. Наконец, кто-то из слушающих сообщает, что к чему, и вывешивает над толпой плакат «Воды нет». Но пока

этого не происходит, покупатели все пытаются пробиться в заветную зону, тесня и давя друг друга изо всех сил. Становится душно и тесно, как в колышущейся на рок-концерте толпе.

Извернувшись, я ныряю в боковой проход, к полкам с содовой, которая тоже начинает исчезать. Но мне нужна не содовая. Разглядывая напитки, я замечаю коробку с водой, которую, вероятно, кто-то оставил еще вчера, когда простая вода не была столь ценным продуктом. Я тянусь к коробке, но в последнюю секунду тощая дама с клювоподобным носом уводит ее у меня из-под руки и водружает, словно корону, поверх продуктов, которые уже набрала в тележку.

– Мне очень жаль, но мы были первыми, – говорит она, после чего появляется ее дочь, которую я узнаю по нашим встречам на футбольном поле. Это Хали Хартлинг. Она страшная задавака и считает, что играет в футбол лучше всех, что очень далеко от истины. Половина девочек в моей школе хотят быть похожими на Хали; вторая же половина ненавидит ее, понимая, что никогда никому из них к ней даже на дюйм не приблизиться. Что до меня, то я давно определилась. Она не стоит того, чтобы тратить на нее душевные силы – будь то сила любви или сила ненависти.

Хотя Хали всегда – сама самоуверенность, сейчас она даже не смотрит мне в глаза, потому что она, как и ее мамаша, знает – я была возле воды первой. И когда старшая отправляется с тележкой прочь, Хали наклоняется ко мне.

– Прости нам, Морроу, – говорит она, и вполне искренне, называя меня по фамилии, как мы всегда делаем на футбольном поле. Хотя, если хорошенько подумать, сейчас мы с ней в совершенно разных командах.

– Помнишь, на тренировке на той неделе я поделилась с тобой? – говорю я. – Может, отдашь должок и уступишь мне несколько бутылок?

Хали смотрит на свою мать, которая уже движется по проходу, потом, пожав плечами, поворачивается ко мне.

– Ты же знаешь, – говорит она. – Здесь не продают воду бутылками. Только коробками.

Она слегка краснеет и, повернувшись, поспешно уходит, пока краска не залила все ее лицо.

Я осматриваюсь. Толпа напирает, и продукты исчезают с полок с ужасающей скоростью. Нет уже и содовой. Ну и дура я! Нужно было взять хотя бы несколько бутылок. Я спешу к своей пустой тележке, пока ее не захватили. Дяди Базилика нет как нет. Нет поблизости и Гарретта, который наверняка уже влез во что-нибудь жирное и липкое. Кстати, сметены ураганом и бутылки с его «Каторейдом».

Наконец, я замечаю Гарретта. Он стоит в конце прохода, по обе стороны которого громоздятся паллеты с замороженными продуктами. Физиономия брата покрыта соусом, он отирает ее рукавом рубашки. Знает же, что я обязательно что-то скажу по этому поводу. Но меня беспокоит не это. Я кое-что заметила. Прямо позади пакетов с замороженными овощами и мороженым стоит огромный холодильник со льдом. Колоссальные пакеты льда. Странно, как глупы люди, что не подумали об этом! А может быть, и подумали, но не решились признаться себе, что дела настолько плохи. Открываю холодильник.

– Что ты делаешь? – удивляется Гарретт. – Нам нужна вода, а не лед!

– Лед и есть вода, Эйнштейн, – усмехаюсь я.

Я хватаю пакет со льдом и осознаю, что он гораздо тяжелее, чем я предполагала.

– Помогите мне! – прошу я Гарретта, и вдвоем мы нагружаем нашу тележку доверху. К этому моменту люди вокруг замечают то, что мы делаем, и принимаются опустошать холодильник.

Наша тележка столь тяжела, что толкать ее практически невозможно. Особенно из-за сломанного колеса, которое начинает скрести бетонный пол. И тут появляется человек в деловом костюме. Улыбнувшись, он провозглашает:

– Ну вы и нагрузились! Похоже, сегодня все сошли с ума.

Не дожидаясь нашего ответа, он берется за нашу тележку и везет ее вперед с гораздо большим искусством, чем это делали мы.

– И здесь толпы сумасшедших, – весело комментирует он, пробиваясь сквозь толпу, – и в других местах наверняка тоже.

– Спасибо, что помогли, – говорю я.

– Не за что! – отвечает наш спаситель. – Мы все должны помогать друг другу.

Он улыбается, я отвечаю улыбкой. Как же здорово знать, что в сложные времена люди способны показать самые лучшие свои стороны.

Мало-помалу, рывками и потугами мы добираемся до выхода со склада и встаем в волну очередь к кассам.

– Сегодня обойдусь без гимнастического зала, – усмехается наш помощник.

Я смотрю на тележку и решаю, что добрые дела должны быть вознаграждены.

– Почему бы вам не взять один наш пакет себе? – предлагаю я.

Не переставая улыбаться, человек отвечает:

– У меня идея получше. Почему бы вам самим не взять один пакет, а я заберу все остальное?

Он что, шутит? Внезапно я понимаю, что говорит он совершенно серьезно.

– Простите, не поняла? – произношу я.

Человек выпускает тяжелый вздох.

– Вы правы, это было бы нечестно по отношению к вам, – говорит он. – Знаете, давайте поделим все пополам. Половину берете вы, половину – я.

Говорит он это таким тоном, словно действительно делает нам огромное одолжение. Словно весь лед в тележке действительно принадлежит ему. Он продолжает улыбаться, но глаза его меня пугают.

– Думаю, это очень щедрое предложение, – заявляет он.

Интересно, а кем он работает? Обманывает людей, да еще так, что они и не чувствуют себя обманутыми? Со мной этот номер не пройдет, но его руки цепко держатся за нашу тележку. Попробуй докажи, что это наша тележка, а не его!

– Какие-то проблемы?

Это дядя Базилик. Вовремя! Мгновение он холодно смотрит на нашего провожатого, и тот убирает руки с нашей тележки.

– Никаких проблем, – говорит человек.

– Отлично, – кивает головой дядя. – Мне совсем не хочется думать, что вы пытаетесь обидеть моих племянника и племянницу. За это ведь можно и в каталажку загреть.

Человек, не отрываясь, некоторое время смотрит в глаза дяде Базилику, потом бросает злобный взгляд на наш лед и уходит, не взяв ни единого пакета.

Дядя Базилик припарковался с нарушением правил – вылез на газон, погубив ряд растущих там кустов. Первый раз в жизни дядя использовал свою тачку на всю мощь.

– Пришлось включить у этого ублюдка полный привод, – говорит он с гордостью. Оказывается, и столь нелепая, безнадежно устаревшая штука может оказаться благословением.

Мы загружаем пакеты со льдом в кузов.

– Как все-таки насчет «хот-дога»? – говорит он, пытаясь поднять нам настроение.

– Я сыт по горло, – отвечает Гарретт, хотя я и знаю, каких трудов ему это стоит. Он просто не хочет возвращаться в помещение склада, как и все мы. К тому же неподалеку начинает собираться толпа, наблюдающая за тем, как мы грузим лед в машину. Хотя я и стараюсь не обращать внимания, сверлящие взгляды с дюжины глаз я ощущаю спиной.

– Может, мне поехать в кузове? – предлагаю я. – Со льдом?

– Не нужно. Поезжай в кабине, – отвечает дядя. – Там на дороге несколько жутких выбоин. В кузове тебя будет швырять туда-сюда.

– Ладно, – соглашаюсь я и сажусь в кабину пикапа. И, хотя об этом никто не говорит, дядю беспокоят совсем не выбоины.

Наконец, мы сворачиваем на нашу улицу, но по какой-то причине она выглядит совсем не так, как та улица, где я выросла. Некая странность сейчас ощущается во всем, что я вижу, словно мы повернули слишком рано и оказались в некоей параллельной вселенной, где стандартные дома вроде бы и похожи на наши, но нашими не являются. Глядя на проплывающие мимо пикапа строения, я стараюсь отогнать это чувство.

Наши соседи Килберы, живущие через дорогу, обычно сидят в шезлонгах на своем газоне и наблюдают за тем, как играют их дети, хотя, по сути, их больше занимают сплетни, которыми они обмениваются, потягивая шардоне. Хотя и за детьми они тоже смотрят, чтобы тех ненароком не переехала машина. Сегодня же отпрыски семейства Килберов носятся друг за другом без всякого родительского присмотра. И даже сквозь детский смех ощущается предательская тишина, пронизывающая все вокруг. Хотя, может быть, эта тишина всегда висела над округой, а я просто не замечала ее?

Дядя Базилик задом подает пикап к месту разгрузки, и мы начинаем снимать лед с машины. Хотя солнце уже опустилось, на улице все еще жарко, и лед потихоньку подтаивает. Чтобы наши усилия не пропали даром, стоит поторопиться.

– Может, кто-нибудь разгрузит морозилку, и мы засунем лед туда? – спрашивает дядя и хватается первый пакет со льдом. – А остальной пусть тает, и у нас уже сегодня будет вода.

– Пусть лучше Гарретт отчистит ванну на втором этаже, – предлагаю я, – и лед мы растопим в ней.

– Отличная идея, – говорит дядя Базилик, хотя Гарретту мое предложение почистить ванну явно не нравится.

Из гаража появляется отец с гаечным ключом в руке. Наверняка пытался выдавить из водопроводных труб хоть немного воды.

– «Каторейда» нет? – спрашивает он.

– Закончился, – отвечаю я коротко.

Отец чешет затылок.

– Нужно было поехать в «Клуб Сэма», – говорит он. – У них в подсобке пропасть товаров. Хотя отец и улыбается, я вижу, что он обеспокоен больше, чем хотел бы показать. Думаю, он понимает, что «Клуб Сэма» давно лишился своих запасов, как и все прочие магазины.

Дядя Базилик быстро меняет тему.

– Я думал, ты сегодня идешь в офис, – говорит он.

Отец, схватив пакет со льдом, пожимает плечами.

– Среди плюсов собственного бизнеса еще и тот, что можно не работать по субботам, если не хочешь.

Справедливости ради скажу, что отец обычно *работает* по субботам. А иногда и по воскресеньям. Многие нынче работают сверхурочно, видя, как растут цены. Но и до нынешнего кризиса отец неустанно повторял: человек, желающий раскрутить успешный бизнес, обязан отдавать ему двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. Хотя сегодня он, действительно, предпочитает таскать лед, а не продавать страховки.

Я пытаюсь стащить с пикапа очередной пакет со льдом, но сделать это непросто, потому что лед начинает таять и плотный пакет просто не ухватить.

– Помощь нужна? – слышу я голос сзади и, даже не оборачиваясь, узнаю того, кто подошел. Это Келтон Макрекен.

Келтон совсем не похож на этих рыжих прыщавых оболтусов, которые живут по соседству с каждой второй девчонкой. Большинство этих парней проводят время, истребляя зомби

с помощью X-box геймпада. Но не Келтон. Тот, когда свободен, гоняет по небу свой дрон, проводя воздушную разведку окрестностей, палит из ружья для пейнтбола по всему движущемуся или, вооружившись прибором для ночного видения, забирается на дерево, представляя себе, что он – Джейсон Борн. Похоже, после шестого класса он вообще перестал взрослеть, а потому родители стали покупать ему все более навороченные игрушки. Правда, сегодня в нем появилось что-то незнакомое. Да, за этот год он вырос и выглядит более зрелым. Но тут еще что-то, совсем другое. Другое – в том, как он держит себя. Походка стала чуть подпрыгивающей и, я бы сказала, нервной. Келтон улыбается, и я вижу, что брекеты ему сняли, и зубы у него теперь ровные, прямо-таки неестественно правильные.

– Спасибо, Келтон, – говорит отец. – Алиссе помоги.

Я собираюсь протянуть Келтону пакет со льдом, но тут на меня что-то находит. Стою и с трудом удерживаю эту тяжесть.

Отец замечает мою нерешительность. Он явно смущен.

– Пусть он подхватит, Алисса, – говорит он.

Я смотрю на лед, который все еще держу в руках, потом на Келтона и понимаю, что уже не верю в желание людей просто *помочь*.

– Что-то случилось? – спрашивает отец с интонацией, которая предполагает ответ.

Но ответа я не даю.

Почти силой заставляю себя протянуть пакет Келтону.

– Только не думай, что получишь пакет льда за свою помощь, – говорю я ему и замечаю на лице отца суровое, недовольное выражение. Тому непонятно, что это на меня нашло. Может быть, попозже я расскажу ему о том парне из «Костко». А может быть, просто забуду про все, что там случилось.

Что до Келтона, то я ждала, что он ответит мне какой-нибудь мальчишеской грубостью, но, похоже, он действительно ошарашен. Мне удается перебороть себя и улыбнуться.

– Прости, Келтон, – говорю я.

Мы входим в дом, чтобы свалить лед в ванну, но Келтон хватается меня за плечо.

– А вы трубу заделали? – спрашивает он. – Если не сделать этого, за пару часов вода ускользнет через самую крохотную дырочку.

– Я думаю, дядя сделал это, – отвечаю я, понимая одновременно, что об этом-то никто из нас и не позаботился. Как ни трудно мне это признать, но то, что я услышала от Келтона, оказалось самым умным за весь сегодняшний день.

– Сейчас сбегая за герметиком, – говорит он и бежит в свой гараж, гордый тем, что ему удастся продемонстрировать свою бойскаутскую хватку.

Родителей Келтона в нашей округе считают людьми со странностями. Отец иногда шутит по поводу мистера Макрекена, что тот ведет двойную жизнь – днем работает зубным врачом, а ночью готовится к концу света. Но нынче это уже не звучит как шутка. Мистер Макрекен допоздна варит в своем гараже какие-то хитроумные приспособления, трещит дрелью, словно его гараж – это пасть какого-то чудовища и он пломбирует этому чудовищу зубы.

За последний месяц семья Келтона успела установить вокруг дома систему слежения, на заднем дворе построила мини-теплицу и устлала крышу какими-то левыми солнечными панелями. Келтон весь этот год в школе напропалую хвастал, что его отец устроил в доме пуленепробиваемые окна, причем такие, что снаружи окно пробить нельзя, а изнутри – сколько угодно. Хотя большинство моих одноклассников считают, что Келтон привирает, я ему верю. Нужно знать его отца.

Несмотря на то, что мистер Макрекен иногда достает нас своими ночными сварочными работами, семьи наши не враждуют, хотя в нашем взаимном дружелюбии всегда присутствует некая напряженность. Когда-то мы вместе пользовались зеленой лужайкой, что разделяет наши участки, пока мистер Макрекен не установил ограду из штaketника, проведя ее прямо

через заросли вермилиад, за которыми так трепетно ухаживала моя мать. Ограда была значительно выше, чем обычные беленые ограждения вокруг калифорнийских газонов, но не настолько, чтобы вызвать негативную реакцию со стороны Ассоциации домовладельцев. Макрекенены, похоже, с Ассоциацией находятся в состоянии вечной вражды. Как-то они потребовали, чтобы Ассоциация признала их право собственности на обочину перед домом – там, где располагается их личная парковка. Ассоциация битву с трудом, но выиграла, и с тех пор дядя Базилик неизменно паркует свой пикап перед домом Макрекенов.

Через несколько минут Келтон возвращается с герметиком и принимается заделывать отверстие в ванне.

– Затвердеет через пару часов, – говорит он, работая. – Поэтому поосторожнее, когда будете закладывать лед.

В голосе Келтона значительно больше энтузиазма, чем предполагает простая работа с герметиком. Между нами повисает неловкая тишина, и я вдруг осознаю, что до этого случая мне никогда не удавалось остаться с Келтоном один на один.

И тут мне приходит в голову нечто важное. Не просто для того, чтобы заполнить паузу в разговоре, я говорю:

– Слушай! А разве у вас за домом не стоит большой бак для воды?

– Тридцать пять галлонов, – гордо произносит Келтон, с ювелирной точностью заполняя герметиком возможные дефекты нашей ванны. – Но это в доме. А тот, что снаружи, – это как бы туалет. Там на дне хлористый аммоний, для дезинфекции и всего прочего.

– Не нужно мне объяснять, – отзываюсь я, испытывая естественное в данном случае отвращение. Но это отвращение относится и ко мне самой – я-то о туалете еще и не подумала!

– Да уж, нельзя сказать, что вы непредусмотрительны! – говорю я. Похоже, предусмотрительность – главное слово нашего времени.

– Да уж, как говорит мой отец, лучше подложить соломки, чтобы не намять бока.

Потом Келтон добавляет:

– Если бы твой отец думал на два шага вперед, у вас тоже все было бы в норме.

Келтон просто не понимает, сколь оскорбительными могут быть его слова. Если бы за умение обидеть словом давали медаль, он просто сгибался бы под их тяжестью.

Келтон заканчивает работу, я благодарю его, и он отправляется домой – стрелять из своего картофелемета, подвергать вивисекции жуков, словом, заниматься той ерундой, которой в свободное время занимаются парни его возраста.

На кухне мать надраивает столы и плиту. Снимает стресс. Когда все в мире рушится, находишь успокоение в том, что приводишь в порядок то, что под рукой. Это я понимаю. Хотя она, например, никогда особо не парилась насчет того, чтобы поставить на минимум громкость телевизора – он у нас всегда орет.

А где, интересно, отец и дядя? Наверное, трудятся над пикапом. Странно, что я хочу знать, что с ними и где они сейчас.

Си-эн-эн по телевизору вещает о кризисе, вызванном ураганом «Ной». Я не сержусь на пострадавших от урагана за то, что все внимание нации обращено на них. Но почему никто не позаботится о нас так, как пекутся о несчастных из Саванны?

– Новости про наши дела есть? – спрашиваю я мать.

– Местная станция регулярно обновляет информацию, – говорит мать. – Но там болтает этот безмозглый тип, которого я не выношу. К тому же и нового ничего нет.

Тем не менее я переключаюсь на безмозглого типа, который, если верить отцу, начинал свою карьеру в порно. Я так и не спросила отца, откуда ему это известно.

Мать права: местная станция раз за разом крутит утреннее заявление губернатора. Переключаюсь на федеральные новостные каналы. Си-эн-эн, потом Эм-эс-эн-би-си, потом Фокс-

нюз и снова Си-эн-эн. Все национальные каналы, как один, освещают последствия урагана. «Ной» и только «Ной».

Постепенно я начинаю понимать почему.

Да потому, что там полно красивых картинок. Карта из космоса. Живописные морские волны, залитые мутными потоками развалины домов, впечатляющие груды обломков.

А у нас? Водяной кризис – как раковая опухоль. Тихий убийца. Толком и посмотреть-то нечего. Так только, вскользь упомянуть.

Делюсь своими соображениями с матерью. Она прекращает тереть плиту и смотрит на экран, на бегущую строку под основной картинкой. Наконец появляется и про нас. *Кризис с водоснабжением в Калифорнии углубляется. Жители вынуждены экономить воду.*

И это все. Все, что есть на федеральных каналах.

– Экономить? Они что, шутят?

Мать глубоко вздыхает и принимается за кухонный стол.

– Пока Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям делает свое дело, на новости внимания можно и не обращать.

– А я буду, – упрямо говорю я.

Потому что твердо знаю: новостные каналы сами решают – и за людей, и за федеральное правительство, – что *важно* и что *неважно*. И большие станции никогда не уделят нашему кризису должного внимания – у нас же с домов не срывает крыши, и эту эффектную картинку не выведешь на экран!

Но если к исчерпанию ресурсов не отнестись серьезно сейчас, завтра может оказаться поздно.

Стоп-кадр: Джон Уэйн

Дэлтону страшно нравится, как в аэропорту Джона Уэйна взлетают самолеты. Это у них называется «взлет с искусственным уменьшением уровня шума», и придуман этот трюк для того, чтобы рев авиамоторов не тревожил уши миллионеров, живущих в Ньюпорт-Бич.

Выглядит это так: самолет, включив тормоза, разгоняет турбины на максимум, затем отпускает тормоза и, в несколько мгновений набрав скорость отрыва, взлетает по фантастически крутой траектории, чтобы через десять секунд сбросить обороты до минимальных – так, что у неосведомленных возникает ощущение отказа двигателей, и каждый раз в салоне кто-то начинает панически вопить, – после чего перелетает через Верхний залив, остров Бальбоа и, наконец, полуостров Ньюпорт, где пилот возвращает двигатели в обычный режим, и самолет продолжает набор высоты.

– Им нужно было назвать аэропорт в честь Джона Гленна, а не Джона Уэйна, – сказал как-то Дэлтон, намекая на то, что подобный взлет больше напоминает старт космического корабля.

Дэлтон и его сестра – частые клиенты местных авиакомпаний. Несколько раз в году – на Рождество, Пасху, во время летних каникул, на День благодарения – они навещают отца, живущего в Портленде. Сегодня, однако, их трое – к ним присоединилась и мать.

– Если ваш отец меня не пустит на порог, – говорит она, – я вполне обойдусь и гостиницей.

– Да не станет он этого делать, – говорит Дэлтон, хотя его слова уверенности матери не прибавляют.

Несколько лет назад мать бросила отца ради лузера с накачанными грудными мышцами и козлиной бородкой, которому уже через год дала отставку. Век живи, век учись. Так или иначе, брак рассыпался, а отец собрался – на север.

– Вы должны понять, что мы с отцом не собираемся вновь сходиться, – пытается мать убедить Дэлтона и его сестру. Но кто из детей, переживших развод родителей, не надеется на их возможное воссоединение?

За несколько минут до отключения воды матери удалось выйти в Сеть и по бешеной цене купить три билета на самолет компании «Аляска Эйр» до Портленда – из тех, которые в полете не нужно подталкивать.

– Три последних, – гордо заявила она. – У вас – час на сборы.

Дорога в аэропорт задыхается от пробок, и обычные четверть часа удлиняются в четыре раза. На парковках столпотворение, обещающее турбулентность и в воздухе. Все стоянки, за исключением одной, забиты битком. Они находят незанятое место в самом конце последней стоянки. Спеша к терминалу, Дэлтон видит, как подъезжающие машины крутятся вокруг парковки, словно играют в «музыкальные стулья», хотя самих стульев в игре уже нет.

Пункт проверки и регистрации багажа – настоящий сумасшедший дом, каким он никогда прежде не был.

– Неужели столько людей сразу едут на каникулы? – интересуется семилетняя сестра Дэлтона Сара.

– Да, милая, – рассеянно отвечает мать.

– И куда они все едут?

Дэлтон смотрит на табло и приходит матери на помощь:

– Кабо Сан Лукас, Денвер, Даллас, Чикаго.

– Моя подружка Гиги – из Чикаго.

Сотрудник службы безопасности внимательно разглядывает паспорт Дэлтона: на паспорте волосы каштановые, на голове – белые.

– А вы уверены, что это вы? – спрашивает сотрудник.

– С утра был я.

Лишенный юмора сотрудник все-таки разрешает Дэлтону пройти через рамку металлодетектора, но у того возникают проблемы с пирсингом на дэлтоновской физиономии.

Наконец за пять минут до начала посадки они отвязываются от службы безопасности. Мать с облегчением вздыхает.

– Отлично, – говорит она. – Все на месте, ничего не потеряли, ни чемоданов, ни зубов.

– Я пить хочу! – жалуется Сара, но Дэлтон уже заметил: все киоски и стойки, мимо которых они проходили, украшают таблички «Воды нет».

– Тебе дадут попить в самолете, – обещает мать.

Дэлтон полагает, что так оно и будет. В конце концов, эти самолеты прилетают к нам со всего света. Он и сам был бы не прочь попить.

И вдруг, перед самым началом посадки к пассажирам рейса выходит девица в форменной одежде с громкоговорителем и делает объявление.

– К сожалению, на этот самолет были проданы лишние билеты, – говорит она. – Нет ли среди вас желающих отложить полет до следующего рейса?

Сара тянет мать за рукав:

– Давай отложим!

– Не в этот раз, милая!

Дэлтон усмехается. Отец всегда советует ему в таких случаях откладывать полет, потому что пассажирам, согласившимся полететь попозже, авиакомпания в качестве компенсации обязательно выплачивает несколько сотен долларов. За доставленное неудобство, так сказать. Но сегодня этого лучше не делать. Сегодня нужно убираться отсюда – и как можно скорее. Поэтому никто не желает выходить из волнующейся толпы и ждать следующего рейса – несмотря на то, что размеры компенсации вырастают до пятисот долларов на пассажира.

Наконец, служащая сдается. Вновь взявшись за громкоговоритель, она выкрикивает имена последних из тех, кто взял билеты. Это Дэлтон, Сара и их мать. У Дэлтона начинает сосать под ложечкой.

– Прошу меня извинить, – говорит служащая совсем не извиняющимся тоном, – но вы были последними из тех, кто приобрел билеты на этот рейс. Я вынуждена перерегистрировать вас на следующий.

Мать взрывается, и на сей раз Дэлтон ее не осуждает – в этой битве им нужна только победа.

– Ни в коем случае! – заявляет мать. – Мне наплевать на то, что вы говорите. Мы с детьми полетим именно этим рейсом!

– Вы получите по пятьсот долларов в качестве бонуса. Это полторы тысячи, – говорит служащая, стараясь утихомирить мать. Но мать на такую фигню не клюнет.

– У меня есть решение суда, по которому мои дети обязаны встретиться со своим отцом, – почти кричит мать. – Если вы снимете их с рейса, вы нарушите закон, и я подам на вас в суд.

Понятно, суд не принимал решения о том, чтобы они отправились в полет именно сегодня, но служащая же об этом не знает!

Невзирая на это, та только извиняется и принимается просматривать посадочные листы на следующие рейсы.

– Сегодня рейс до Портленда в пять тридцать, – говорит она. – О нет, он тоже полностью продан. Смотрим дальше...

Она продолжает терзать свой компьютер:

– Восемь двадцать... Опять нет...

Дэлтон поворачивается к Саре и шепчет:

– Посмотри на нее. Пусть увидит твои глаза.

Мать всегда говорит Дэлтону и его сестре, что у них такие глаза, что их взгляд способен растопить любое сердце и превратить его в лужицу. Правда, с Дэлтоном этот номер уже не проходит: в свои семнадцать, с густым лицевым пирсингом, нашейной татуировкой и волосами, которые, как говорит отец, напоминают заросли бурьяна, он уже неспособен производить впечатление на публику. Только на девушек-однолеток. Но глаза его сестры по-прежнему производят впечатление даже на самых черствых взрослых. Дэлтон берет Сару на сгиб руки и поднимает лицом к служащей.

– Какая лапочка! – с придыханием произносит служащая, и ее принтер выдает три новых билета.

– Вот, – говорит она. – Это самое лучшее, что я могу сделать. Рейс на завтра, в шесть тридцать.

Они ждут. Уйти они не могут, потому что толпа непрерывно растет, и через службу безопасности им не прорваться.

Ночь они проводят в неудобных креслах зала ожидания, прося по глотку-другому воды у тех, кто готов с ними поделиться. А таковых – раз-два и обчелся.

Приходит утро, но даже с билетами они не могут попасть на рейс, улетающий в шесть тридцать. Как и на следующий рейс. Как и на прочие рейсы.

Но нет билетов и на самолеты, летящие в другие места.

А здание аэропорта настолько забито нервными пассажирами, что администрации приходится вызвать дополнительные наряды полиции.

Оттого, что на дорогах повсюду пробки, цистерны с горючим для самолетов не в состоянии пробиться в аэропорт.

А потому Дэлтон, его мать и сестра должны примириться с мыслью, что они никуда и никогда не полетят.

День второй Воскресенье, 5 июня

2) *Келтон*

Отец всегда говорил мне, что на нашей планете обитают три вида человеческих существ. Это, во-первых, овцы – убогие, плюнувшие на себя животные. Они кормятся утренними новостями, а их, в свою очередь, пожирает очередной рабочий день, чтобы к вечеру выплюнуть как пережеванный кусок вонючего мясного рулета, что несколько недель провалялся у задней стенки холодильника. Если сказать короче, то овцы – это беззащитное большинство, абсолютно неспособное признать неизбежность реальной опасности и уповающее на систему, которая, как они полагают, должна о них позаботиться.

Следующая категория – волки. Плохие парни, для которых не писаны законы, но которые, когда им это выгодно, готовы притворяться добропорядочными гражданами. Эту породу составляют воры, убийцы, насильники и политики, которые кормятся за счет овец и заканчивают жизнь либо в тюрьме, либо на свалке рядом с истлевшими носками, связанными когда-то вашей бабушкой. Этих людей вы ежегодно ритуально подрываете с помощью больших петард.

И, наконец, есть люди, подобные нам. Макрекены. Правители мира. На первый взгляд мы выглядим как волки – большие клыки, острые когти, способность к жестокости. Но что нас отличает от тех и других, так это то, что мы представляем собой золотую середину. Мы можем легко управлять стадом овец, способны даже защищать их. Но можем и бросить на произвол судьбы, если нам это выгодно. Отец говорит, что мы – избранные, наделенные правом выбора, и в минуту реальной опасности лишь мы одни и выживем. И не только потому, что у нас есть триста пятьдесят седьмой «Магнум», три австрийских «Глока-G19» и помповое ружье «Моссберг», а еще потому, что мы, сколько я помню, тщательнейшим образом готовились к неизбежному краху нашего общества.

Сейчас воскресенье, второй день без воды в водопроводах. Стоит удушливая жара, и чувствуешь себя, как банка содовой, оставленная на солнцепеке. Если судить по солнцу, время – три с небольшим пополудни, и я забираюсь в свое личное убежище. Если быть точным, то это приподнятый над поверхностью форт, который я построил на дубе, растущем на заднем дворе. Кто-то может назвать это шалашом, но такое название оскорбительно и для меня, и для моего укрепленного убежища. Разве кто-нибудь хранит в шалаше оружейный арсенал и ведет из шалаша разведку с применением системы инфракрасного слежения? Мое убежище почти так же круто, как и вполне реальное убежище, которое мы построили в лесу на случай ядерной атаки, электромагнитного импульса и прочих сценариев конца света. Мы строили его все вместе несколько лет назад, как раз перед тем, как мой старший брат Брэди ушел из дома. И если все обернется полным хаосом, наша семья переберется туда. Но пока мне хватает своего собственного убежища на дереве.

У меня здесь достаточно собственных припасов. Позаботился я и об оружии. Есть у меня ружье для пейнтбола, моя тактическая наступательная рогатка и пневматическое ружье «Уайлдкэт уиспер». Из припасов – оптимальное количество энергетика «Маунтин дью», на котором можно запросто несколько недель обойтись без сна, а также пакеты с моей любимой лапшой быстрого приготовления – той, что с ароматом цыпленка. Приятно осознавать, что ты запасаешься достаточным количеством еды с глутаматом натрия, который поможет тебе пережить умирающее в муках человечество.

Я выглядываю из окна своего форта и замечаю, как кто-то приближается к нашему дому. Чтобы рассмотреть его получше, беру бинокль. Коричневый костюм и галстук «боло» – отличные приметы, выдающие своего владельца со всеми потрохами. Это мистер Бернсайд, в прошлом управляющий крупной фирмы, который никак не может смириться с тем, что карьера

его закончилась. Не придумав ничего лучше, пару лет назад он организовал тихий переворот и подмял под себя Ассоциацию домовладельцев. С тех пор он управляет ею железной рукой. Мы абсолютно уверены, что мистер Бернсайд – фашист. Наверняка пришел известить нас, что наши окна чересчур пуленепробиваемы, дверь в гараж содержит в себе недопустимый избыток титана, а расположенная на крыше посадочная площадка для дронов вызывающе хороша. Но, присмотревшись, я вижу, что мистер Бернсайд явился без обычной своей папки с заявлениями, петициями и прочей бюрократией. Вместо этого он держит в руках то, что напоминает подарочный сверток, украшенный бантом. Мне интересно, а потому я, крадучись, прикрываясь кустами, пробираюсь к той стороне дома, откуда видно парадную дверь.

Бернсайд приглаживает свой прикрывающий лысину зачес и четырежды стучит. Потом добавляет пятый стук, лишний раз доказывая тем самым свой несносный характер.

Мой отец открывает дверь, но только наполовину.

– Добрый день, Билл, – говорит он. – Чем я обязан тому удовольствию, что вы доставляете мне своим визитом?

Означает же все это: *«Какого черта тебе от меня нужно?»*

Бернсайд улыбается, демонстрируя зубы слишком белые, чтобы быть естественными.

– Просто проверяю, как обстоят дела у семей в нашей округе.

После чего внимательно осматривается, демонстрируя деланую заинтересованность.

– Должен сказать, – говорит он, – что меня очень интересуют некоторые из уникальных приспособлений, которыми вы оснастили свое хозяйство.

– Вы имеете в виду нашу теплицу, против которой возражает Ассоциация?

– Вода под мостом, – говорит Бернсайд, делая жест рукой, и на его запястье звякают золотые часы, которые он получил при увольнении, а также его индивидуальный медицинский смарт-браслет. Не знаю, как у него со здоровьем, но даю пять против десяти, что он не складывает положенные ему лекарства.

– А разве вы не слышали, – спрашивает отец, – что под мостом воды уже нет?

Бернсайд смеется, но его смех не снимает напряжение, а, напротив, усиливает. И тогда Бернсайд протягивает моему отцу подарочный сверток.

– Это от меня и моей жены, – говорит он. – Просто для того, чтобы нам было легче забыть прошлое.

– Очень мило с вашей стороны, Билл, – произносит отец. – И это, полагаю, означает, что вы, как и Ассоциация, не станете возражать, если я укреплю забор. Я подумываю о десяти футах.

Бернсайд ощетиливается, но берет себя в руки и заявляет:

– Я поговорю с членами совета. Не думаю, что с этим возникнут проблемы.

– Могу ли я быть вам еще чем-нибудь полезен? – спрашивает отец, явно наслаждаясь своей победой.

– Как я и говорил, я обхожу соседей, чтобы сообщить всем, что Ассоциация домовладельцев планирует объединить некую часть ресурсов, которыми мы все располагаем. Будем помогать друг другу во времена кризиса...

Ни слова не говоря, отец ждет продолжения. Бернсайд, не чувствуя поддержки, пребывает в явном затруднении.

– Я уверен, что ваша семья готова ко всему, – продолжает он, вновь демонстрируя свои фарфоровые зубы. – Но, конечно, есть люди, которых нынешняя ситуация застала врасплох.

– Что конкретно вы хотите мне сказать, Билл? – прерывает его мой отец уже не столь радостным тоном, как минуту назад.

– Мы просим всех помочь нам в создании общих запасов, – отвечает Бернсайд и добавляет: – Уверен, что вам могут быть необходимы некоторые вещи, которыми другие располагают в избытке, и наоборот.

– От каждого – по способностям, каждому – по потребностям? – усмешается отец. – Таков ведь принцип социализма? Не думал, что услышу этот лозунг из уст такого прожженного капиталиста, как вы.

Да, отец явно наслаждается разговором. Улыбка Бернсайда превращается в гримасу.

– Не нужно никого обижать, Ричард, – говорит он. – Мы все в одной лодке. Из этого и нужно исходить.

– Если все соседи участвуют в создании общих запасов, то почему подарок вы принесли только нам? – спрашивает отец.

Бернсайд, перед тем как ответить, делает глубокий вдох:

– Вы же помните, в прошлом мы не очень-то ладили. Теперь же нам следует проявить добрую волю. Это всем явно понадобится.

Он поворачивается и идет по дорожке, ведущей от нашего крыльца к улице. Отец разворачивает сверток. Там оказывается бутылка «скотча». Дорогого.

– Спасибо, Билл, – с почти виноватой улыбкой кричит отец вслед Бернсайду. – Из нее получится хороший «коктейль Молотова».

– Лучше пить со льдом, – отзывается Бернсайд, пропустивший шутку мимо ушей. – Поговорим позже.

3) Алисса

В воскресенье просыпаюсь поздно. Всю ночь переписывалась с друзьями и подругами, обменивалась с ними историями о прошедшем дне. Мора, вечный борец за социальную справедливость, вместе с родителями штурмовала здание мэрии. Фараз весь день провел с отцом – тот налаживал мембранную систему очистки, способную превращать мочу в питьевую воду. Забегая вперед, сообщу: система не работает. А Кэсси весь день в своей синагоге разливала воду в бутылки, помогая старикам.

– Это мой религиозный долг, – сказала она. – К тому же сын нашего ребе – такой красавчик!

Полусонная, отправляюсь в душ, по привычке отворачиваю кран и тут осознаю, что забыла взять полотенце. Беру его, возвращаюсь в душ и только теперь убеждаюсь в том, что вода не идет. Вот как! Ну не идиотка ли я? Включая душ, я же как раз думала об исчерпании ресурсов. Почему же в моих прославленных мозгах не включилась связь между душем и отсутствием воды? Я ведь знала, что воды в душе не будет. Но когда ты утром движешься на автопилоте, привычка и мышечная память заменяют рассудок. Верчу ручки кранов и забываю, в какую сторону включать, а в какую – наоборот. Но, пока воды нет, это не будет иметь никакого значения.

Итак, душ отменяется. Хмм. Обильнее, чем обычно, обрызгиваю себя дезодорантом и спускаюсь вниз.

– Доброе утро, милая, – встречает меня мать. На завтрак сегодня арбуз, который уже неделю лежит в углу нашего холодильника. На тарелке Гарретта арбузная корка, похожая на зеленую улыбку. Странный выбор блюда для завтрака, но смысл в том, что в арбузе много жидкости, так что мы убиваем сразу двух зайцев. К тому же уже почти время ланча.

Когда в кранах еще была вода, на это воскресенье я планировала поработать над сочинением о «Повелителе мух» Голдинга. Моя гипотеза состояла в следующем: если бы на необитаемом острове оказались не мальчики, а девочки, все пошло бы совсем по-другому. Когда я рассказала об этом учителю, мальчики в классе со мной согласились, но предположили, что все на острове умерли бы и гораздо быстрее. Конечно, моя гипотеза была полной противоположностью тому, что думали они. Сочинение я отложила на неделю, и сроком подачи был как раз понедельник. Но теперь вдруг все это потеряло смысл. Уже было объявлено, что школьный

район завтра закроется, а к тому же мне теперь было безразлично, кто завладеет раковиной и кто в моей гипотетической версии романа станет мучить Хрюшу, то есть мисс Хрюшу.

Я считаю, что гораздо лучше чем-то заниматься, чем лежать и размышлять о том о сем. Нужно вернуться к нормальной жизни, а первым делом повидаться еще с одной подругой, Софией Родригес – нынешней ночью она не отвечала на мои сообщения. Ни на одно из тех, что я ей послала. Что ж, пойду и постучу в ее дверь, как я делала, когда мы обе были детьми.

Я выскальзываю на улицу и двигаюсь к дому Софии, который находится на соседней улице. По пути стараюсь понять, в каком состоянии пребывает наша округа. Почти у всех стоящих на обочине машин ветровые стекла в пыли и следах расплюснутых насекомых. Большинство газонов либо находятся в запустении, либо превратились в огороды, на которые высажены разные сочные растения. Некоторые люди даже покрасили свои газоны зеленой краской – так в морге покрывают косметику лица умерших.

Запрещены были не только водяные бомбочки. Тогда же был принят закон, запрещающий наполнять частные бассейны. Это была неплохая идея – в период засухи иметь бассейн – излишняя роскошь. Люди, у которых тогда оставалась вода в бассейнах, использовали ее, чтобы мыть машины и поливать газоны. Но с тех пор, благодаря еще и интенсивному испарению, все бассейны опустели и стали такими же сухими, как раковины в наших домах.

Я добираюсь до дома Софии и вижу ее отца, который привязывает чемоданы к багажнику на крыше их «Хендая». Сначала я решаю, что он отправляется в очередную деловую поездку, но потом замечаю среди увязанных вещей любимую розовую сумку Софии и все понимаю. Семья Софии пакует вещи и уезжает.

– София в доме, – говорит ее отец, не прерывая своей работы.

Вхожу в дом через двери гаража. Внутри вроде все, как обычно. Коридоры. Пастельного тона голубые стены. Диван, чья обивка напоминает цветущий луг. И, тем не менее, все кажется не таким, как раньше; словно это совсем не тот дом, где я играла ребенком. И тогда я понимаю почему. Нет на обычном месте телевизора, а в воздухе отсутствуют ароматы восхитительной готовки, которой так славится миссис Родригес. Со стен сняты фотографии семьи, а на их местах остались темные прямоугольники, на фоне выцветших стеновых панелей кажущиеся тенями воспоминаний. Словно с дома содрали все то, что обычную каменную коробку делает настоящим домом.

А потом я начинаю думать о *своем* доме. О глупых фотографиях, которые мы держим на стенах в комнатах первого этажа, где их может увидеть любой пришедший к нам в гости. И, хотя я обычно лютой ненавистью ненавижу либо свою прическу, либо одежду, в которой красуюсь на фото, я и представить не могу, чтобы эти фотографии могли исчезнуть со стен нашего дома.

Из своей спальни выходит София. Она видит меня и обнимает, удерживая чуть дольше, чем обычно. Потом отстраняется и со слабой улыбкой говорит:

– Я собиралась по пути остановиться возле твоего дома...

– Куда вы? – спрашиваю я.

– На юг, – отвечает София.

Этот короткий ответ поражает меня своей странностью. Когда бы мы ни виделись с Софией, она трещала без умолку. Я вспоминаю, что у нее есть бабушка и дедушка где-то на Байя, западном полуострове Мексики, и ее отъезд начинает казаться мне имеющим смысл, хотя я и не думаю, что Мексика сейчас чем-то лучше Южной Калифорнии. Там, как и у нас, в основном, пустыня.

– Смотрела новости? – спрашивает София. – Там говорят, что высох даже акведук в Лос-Анджелесе. Высох уже давно, хотя все это держалось в тайне. Чиновники уходят в отставку, увольнение следует за увольнением. Комиссара по водоснабжению Лос-Анджелеса могут привлечь к суду.

- А не лучше ли что-нибудь предпринять, чем вот так набрасываться на людей?
- Откуда мне знать? В любом случае мой отец считает, что все будет только хуже.

София нервно усмехается:

- Конечно, он, как всегда, перестраховывается. Ты же его знаешь.

Я смеюсь, правда, не вполне искренне. Сейчас мне не до смеха.

В комнату входит миссис Родригес. На одной руке у нее виснет пятилетний сын, в другой руке – несколько небольших картин, когда-то написанных Софией.

- Что из этого ты хочешь взять? – обращается к дочери мать, протягивая картины.

– Все, – отвечает София, ни минуты не колеблясь. Мать кладет принесенные картины поверх стопки других, уже лежащих на обеденном столе.

- Выбери три самых любимых, – говорит она.

Она целует дочь в темя и тепло улыбается нам обеим. Мать Софии очень красива и так молодо выглядит, что их с Софией часто принимают за сестер. Она молода не только внешне, но и душой, что особенно мне в ней нравится. Но сегодня она выглядит усталой.

София перебирает принесенные картины.

- Это твоя, – говорит она мне. – Ты написала ее в седьмом классе, на уроке живописи.

Помнишь?

- Помню, – отзываюсь я. – Это был подарок на день рождения.

- Я хочу, чтобы ты ее сохранила, – говорит София.

- Ну что ж, будем считать, что ты мне ее одолжила. На время. На недельку-другую.

- Идет!

София радостно улыбается, хотя глаза ее говорят совсем о другом. Полупустой стакан она всегда считала наполовину полным, но теперь, похоже, оптимизма в ней осталось ровно столько, сколько воды в их бассейне.

* * *

Мой отец из тех, кто любой ценой старается увильнуть от визита к врачу. Не то чтобы он никогда не болел или испытывал смертельный ужас при виде шприца. Нет. Скорее всего, в глубине души он полагает: если привлечь внимание к недомоганию, оно точно разовьется в настоящую хворь. Нечто воображаемое вдруг может стать реальным. А так как большинство болезней так или иначе проходят без чьего-либо вмешательства, то он только укрепляется в своем отношении к медицине. Точно так же отец подходит ко всем прочим проблемам – в отношениях и с матерью, и с налоговыми агентами. Поэтому сегодня он объявляет Большой Семейный Обед, что есть его любимое лекарство от всевозможных домашних неурядиц. Конечно, не все беды залечишь лазаньей, но я твердо уверена: когда мать и отец сходятся на кухне и принимаются вместе готовить, мир становится совершенно другим.

Поэтому я решаю ровно в семь тридцать вернуться домой.

Как только я прихожу, мать, как я и ожидала, сразу же дает мне поручение. Она протягивает пустой кувшин.

- Набери-ка воды.

Казалось бы, сушая ерунда, но я чувствую себя так, словно мне доверили совершить религиозный обряд.

- Сейчас, – говорю я и иду в подвал, к ванне с водой.

Опускаю кувшин в воду. Несмотря на то, что прошел целый день, там еще полно льда. Вернувшись, я разливаю воду в стаканы.

– Нам не нужно слишком много, – говорит отец. – Я думаю, мы будем пить по шесть чашек в день. Я подсчитал, что этой воды нам должно хватить на неделю.

– Мне казалось, человек должен выпивать в день восемь чашек, – вставляет свое слово Гарретт.

– Считай, что твои две чашки – это долгосрочные инвестиции, – говорит отец. Гарретт, который подобных сентенций выслушал от отца немало, только на таких вялых аналогиях может уже запросто выстроить самостоятельный бизнес.

– Про Кингстона не забыли? – напоминает мать. – Ему тоже нужна пара чашек в день.

Мне стыдно – собака начисто вылетела у меня из головы. Как я могла – он же такой беззащитный! Я бросаю виноватый взгляд на его водяную миску и, пока никто не смотрит, немного наливаю туда из кувшина.

Дядя Базилик появляется за столом последним и с ходу опрокидывает в себя свой стакан. Наверняка ледяной водой заморозил себе мозги.

– А хорошо ли это, Герберт? – говорит мать таким тоном, словно дядя – малый ребенок. – Ведь это тебе вода на весь вечер.

– Для здоровья гораздо полезнее выпить всю жидкость за десять минут до еды, – объясняет дядя. – Тогда желудок не будет отвлекаться и более эффективно поглотит питательные вещества.

Так это или нет, но я решаю не очень-то верить в слова дяди – наверняка этой науки он набрался в пабе от приятелей. В школе, правда, по биологии у него было «отлично».

Несмотря на то, что сказал дядя, все за столом пьют свою воду медленно. Кому понравится зрелище стоящего на столе пустого стакана? И не только сейчас, когда воды не хватает, но и вообще?

Лазанья сегодня жестковата, потому что мать, экономя воду, сварила ее в красном соусе. Прежде чем попробовать самому, отец смотрит на нашу реакцию.

– Мне нравится! – говорит Гарретт. – Вкусно и хрустит.

Ничего удивительного, что Гарретту нравится. По какой-то причине в еде он сохранил младенческие привычки. Иногда тайком ест вишневую помаду для губ и сырые макароны. Причем необязательно в такой последовательности.

– Очень вкусно, – произношу и я. К сожалению, отец всегда понимает, когда я говорю неправду, но на этот раз, надеюсь, он оценит мою ложь...

Похрустев пару минут, дядя Базилик нарушает молчание.

– По крайней мере, вода холодная, – говорит он, и все смеются. Это неконтролируемый смех, подобный икоте, но я начинаю чувствовать себя гораздо лучше. Если раньше я просто делала вид, что мне нравится приготовленная родителями лазанья, то теперь она мне вполне по душе.

И тут начал мигать свет. Погас и вновь загорелся.

Темно было лишь секунду. Может быть, даже меньше. Но все прекратили есть и застыли. Что за выражение у нас на лицах? Ждем еще одной катастрофы? На сей раз с электричеством? Но ничего не происходит. Свет включается и уже не гаснет. Но это ничего не меняет. И все электрочасы в доме сердито показывают двенадцать часов.

Я смотрю на отца и вижу, что в первый раз за последнее время он серьезно обеспокоен. На лице его такое же выражение, как было тогда, когда единственный раз ему все-таки пришлось в голову позвать врача, после чего его сразу же отправили в больницу резать аппендикс.

Мы сидим за столом, словно в ловушке, с вилками в руках. По какой-то причине я боюсь встретиться с кем-либо взглядом, а потому опускаю голову и ем. Через несколько мгновений осознаю, что все заняты тем же. Мы торопливо забрасываем в себя еду, словно испуганные животные. Так продолжается до тех пор, пока наши тарелки не пустеют. Не потому, что мы настоящему голодны, но потому, что никто не хочет вновь видеть на лице отца это выражение.

Когда несколько часов спустя я собираюсь ложиться спать, то снаружи слышу движение. Это дядя Базилик. Окна моей комнаты смотрят на улицу, а потому я всегда знаю, кто у нас

приходит и уходит. Проверяю часы. Полночь – необычное время для того, чтобы куда-то уезжать. Спускаюсь вниз и застаю дядю, который грузит вещи в кузов своего пикапа.

– Не хотел тебя будить, – говорит дядя виноватым голосом.

– Ты что, уезжаешь? – спрашиваю я.

Дядя, продолжая смущенно улыбаться, смотрит на меня.

– Лишь на несколько дней, – говорит он, хотя его гигантский чемодан с одеждой убеждает меня в обратном. Все это в точности, как с Софией.

– К тому же, – продолжает он, – я забрал комнату у твоего брата. Да и не хочу расходовать вашу воду.

Все последние годы дядя, живя в нашем доме, чувствовал себя неловко. История же с исчерпанием ресурсов добавила новое измерение в его от нас зависимость. Но, как мне думается, последней каплей оказалось вечернее отключение электричества.

– И куда же ты поедешь? – спрашиваю я.

– К Дафне, – отвечает дядя, не поднимая глаз. – Она все еще живет в своем большом доме в Голубином каньоне. Говорит, у них пока есть вода. Не знаю, насколько ее хватит, но это уже кое-что.

– Ты говоришь о воде или о себе и Дафне? – спрашиваю я.

Дядя усмехается:

– И о том, и о другом.

Дафна – давняя подруга дяди, с которой он то сходится, то расходится. Они вместе с тех самых времен, когда у дяди еще была ферма. А сюда они переехали в самом начале «Большого Провала», как называли массовый исход фермеров из Калифорнийской долины.

Дафна запрещает нам в своем присутствии называть дядю Базиликом. Для нее он только Герберт, отчего я думаю, что она все-таки его любит, хотя они периодически ссорятся и расходятся.

– Ну что ж, – говорю я. – По крайней мере, в исчерпании ресурсов есть и плюсы – вы опять будете вместе.

– Она это делает не ради меня, – качает головой дядя, – а ради вас.

– Вот как?

– Ну да. Я не буду обузой для твоих отца с матерью.

– Какая же ты обуза?

Дядя улыбается:

– Спасибо за эти слова, Алисса!

Я крепко обнимаю дядю и смотрю, как он уезжает. Потом возвращаюсь к себе, и мне уже не так тревожно. То, что где-то еще есть вода, убеждает меня: все, в конце концов, не так уж и плохо.

Стоп-кадр: новости интернет- телевидения

– По мере того, как южная часть штата начинает отсчитывать третий день кризиса водоснабжения, среди населения усиливается напряженность. Тем не менее официальные лица в администрации уверяют, что помощь уже на подходе.

Лайла Сингх, ведущая местных новостей, проговорив свою порцию сообщения, смотрит на своего соведущего Чейса Бакстона, который продолжает читать с телесуфлера:

– Вместе с тем последствия каскадного эффекта, оставившего без воды более двадцати трех миллионов людей, смягчить пока не удастся. С подробностями – наш корреспондент Донаван Ли, который ведет репортаж с Силверлейка.

Пока они ждут, когда включится корреспондент, находящийся у пустого бетонного резервуара, когда-то называвшегося Силверлейком, Лайла вспоминает кошмары, которые ей пришлось пережить с утра. Один из них – добраться до студии из Голливуда. Она едва не опоздала на утренний выпуск, а теперь, похоже, новости вытесняют все остальные программы, так что вовремя ей с работы не уйти.

– Ты слышала, что начальник Агентства по чрезвычайным ситуациям наплевал на звонки нашего губернатора? – спросил ее утром один из операторов. – Я не шучу – они сейчас наблюдают исключительно за «Ноем».

Проходивший в этот момент мимо продюсер задал жару обоим – как будто Лайла не просто слушала, а еще и делала что-то криминальное.

– Мы работаем с новостями, а не со сплетнями, – сурово сказал продюсер.

Режиссер вновь переключается с Силверлейка на студию, и Лайла быстро возвращается мыслями к текущей работе.

– Спасибо, Донаван. А вот что говорил губернатор в самый разгар кризиса.

Они включают запись, которую станция крутила сегодня уже неоднократно, и Лайла, в который раз слушая губернатора, пытается все-таки понять, нет ли в его голосе чего-то, что выдало бы более глубинную правду, чем та, которой он делится с прессой.

– Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям полностью владеет ситуацией, – говорит губернатор. – Нам сообщают, что автоцистерны с питьевой водой направляются из Вайоминга, чтобы помочь Южной Калифорнии удовлетворить самые острые ее нужды.

Вайоминг? Сколько же цистерны будут идти до нас из Вайоминга?

– Хочу уверить жителей Южной Калифорнии, – продолжает губернатор, – что помощь – не за горами. В ближайшее время по всему побережью штата будут развернуты мобильные опреснительные станции, способные превращать морскую воду в питьевую. Делается все возможное, чтобы облегчить участь населения. Спасибо!

И уходит, как всегда, отмахиваясь от лавины вопросов. Красный огонек камеры мигает, застав Лайлу врасплох. Но она – профессионал. Запинку она превращает в многозначительную паузу, заставляя аудиторию с гораздо большим вниманием ждать того, что она должна будет сказать.

– Пока же, – произносит она, – мы советуем всем и каждому из вас не выходить из дома во избежание теплового удара и ждать новой информации.

– Именно так, Лайла, – подхватывает Чейс. – Советуем также избегать активных действий, связанных с затратой сил.

– Совершенно верно! Лучший способ сохранить воду – сберечь то, что уже есть в вашем теле.

Когда Лайла приехала утром на работу, в ее гримерке стояли два полных кувшина ледяной воды. Вспомнив о них, она тотчас же захотела ощутить у себя в руке высокий стакан тонкого стекла.

– Мы вернемся к вам после рекламной паузы.

Пошел ролик.

Расслабившись в своем кресле, Лайла принялась просматривать тексты предстоящих сюжетов. История про то, как с последствиями исчерпания водных ресурсов борется зоопарк. Про человека, которого застрелили в тот момент, когда он хотел слить воду из цистерны, направлявшейся в больницу. И, наконец, про первую официально зарегистрированную в Сан-Бернардино смерть от обезвоживания. Почему все плохое случается именно в Сан-Бернардино?

Приподняв бровь, к ней поворачивается Чейс.

– Дело – дрянь, – произносит он с теми же модуляциями, с которыми говорил «Это свежайший продукт» в те дни, когда озвучивал рекламные ролики с «фастфудом» – хотя ходят сплетни, что он не пренебрегал съемками и в иных жанрах. Но, как говорит их продюсер, они работают с новостями, а не сплетнями.

– И, тем не менее, все, что нам остается делать – это просить людей не терять хладнокровия и следить за нашими новостями.

– А что им еще скажешь? Снимайте штаны и бегайте по улицам нагишом?

– Если это поможет им пережить кризис, то – да.

– Ну что ж, – ухмыляется Чейс, – то были бы отличные новости.

Полуденный блок закончился, и Лайла направляется в свою гримерку. Увы! Ее кувшины пусты – кто-то, и, может быть, не один, опустошил все ее запасы.

– Сейчас принесут еще, – обещает нервничающий стажер. – Десять минут, не больше.

Но десять минут спустя нет ни стажера, ни воды.

В коридоре Чейс разговаривает по телефону со своим агентом, причем динамик включен на полную мощность, и любой, кому интересно, может с головой нырнуть в личные проблемы Чейса Бакстона. Агент убеждает своего подопечного: если тот хорошо проявит себя во время водяного кризиса, то может выйти на федеральный уровень. Перейти в Си-эн-эн, например.

– Это ужасно, что ты хочешь заработать на чужой беде, – говорит ему Лайла.

Чейс пожимает плечами и продолжает разговор.

Хотя у Лайлы тоже есть профессиональные амбиции, она не такой шакал, как Чейс, и не станет строить свое будущее на костях умерших сегодня людей. Она смотрит в окно, пытаясь отсюда, с сорок третьего этажа увидеть реальную картину кризиса. Внизу, на улице колышется толпа. Это демонстрация? Или там раздают воду? Отсюда толком не видно. Неожиданно она почувствовала приступ клаустрофобии. Как она здесь одинока!

После перерыва в студию стали стекаться известия о новых случаях смертей, вызванных обезвоживанием. Новости приходят быстро, и их нужно тут же выдавать в эфир. Можно только вообразить, что чувствуют люди на том конце телевизионного канала: они сидят в капканах собственных домов и ждут, кто на их улице окажется следующим.

Никто так и не приносит воду в ее гримерную.

Чейс тоже хочет пить. Но воды нет нигде, и никто ее не обещает.

И тогда в голову Лайле приходит идея. Реализовать ее будет непросто, но ведь больше-то ничего нет!

– Отправьте меня на вертолете! – говорит она продюсеру.

– Что?

Продюсер смотрит на нее, как на сумасшедшую.

– Лайла! Ты – ведущая. Ты не делала репортажей с воздуха с тех пор, как занималась дорожным движением.

– Бунты, пожары, пробки! Все эти истории происходят не в студии, а на улице, в городе! Людям именно это интересно!

Лайла говорит так, словно, как и Чейсом, ею движут профессиональные амбиции.

– Чтобы привлечь их внимание, нужно отправить ведущего на небо. И зрители уже не будут переключать каналы!

– Нет, – не сдастся продюсер. – Ты нужна мне в студии.

Но, как только продюсер уходит, Лайла отправляется на крышу. Вертолет стоит на площадке – меняются репортеры, отвечающие за материалы о состоянии движения на улицах города. На мгновение Лайле вспоминается Вьетнам, откуда в свое время присылали классику военного репортажа. Конечно, все это происходило задолго до ее рождения, но она, глядя на отдыхающий после полета вертолет, не может не представить себе тех репортеров, что ждали своей очереди на посадку в винтокрылую машину в трагические часы гибели Сайгона.

У поручня трапа стоит Курт, тот самый пилот, с которым Лайла летала раньше, когда только начинала работать на станции. Курт курит – возле вертолета, где курить запрещено, но ему наплевать. Лайла надеется, что это не единственное правило, которое он готов нарушить.

– Курт! – обращается она к пилоту. – А какова у тебя дальность полета?

– Около двухсот пятидесяти с полным баком, – отвечает он. – Сейчас ближе к двумстам.

А что такое?

Лайла делает глубокий вдох:

– Сделай мне одолжение, а?

Пять минут спустя они уже мчатся на восток, прочь от центра Лос-Анджелеса. И когда Лайла чувствует, что отлетела от своего продюсера на безопасное расстояние, пишет ему сообщение:

«Взяла студийный вертолет. Лечу к озеру Эрроухед. Привезу репортаж о ситуации с беженцами».

Отправляет сообщение. Потом, мгновение подумав, пишет продолжение:

«Прикройте меня. Или увольте».

Сделано. И, как бы там ни было, Лайла сейчас прилетит туда, где еще можно найти воду. Горные озера, конечно же, здорово обмелели, но вода там все равно есть. Она глубоко, облегченно вздыхает, чувствуя свою неразрывную связь с теми журналистами прошлых лет, что на противоположной стороне мира штурмовали некогда вертолеты, которые должны были спасти их от Вьетконга.

День третий Понедельник, 6 июня

4) *Келтон*

В школу сегодня не иду. Никто не знает, когда занятия начнутся снова. До конца учебного года осталась пара недель, и вряд ли мы в этом учебном году туда вернемся.

Чтобы не оставаться без дела, просматриваю комиксы, но сегодня они мне неинтересны. Начинаю искать в Интернете нужную мне охотничью амуницию, чтобы добавить к списку подарков, которые мне хотелось бы получить на Рождество, но и эти поиски мне надоедают. Тогда выхожу в Ютуб и ищу видео с шахбоксом – гибридным боевым искусством, где бойцы перемежают раунды мордобоя партией в шахматы. Это единственный не связанный с использованием оружия вид спорта, в котором я знаю толк.

Из-за него меня единственный раз за всю мою учебу в старших классах подвергли наказанию – заставили явиться в школу в субботу. А все из-за доклада о шахбоксе, который я делал в прошлом году. Трое скептиков принялись надо мной издеваться, после чего пришлось продемонстрировать на их носах, что значит бокс в качестве одной из составляющих этого вида спорта. Я уже собирался побить их и в шахматы, но меня поволокли в кабинет директора.

Смотрю парочку видео, но сегодня даже бокс меня не веселит. Более того, вместо того, чтобы заниматься собственными делами, я думаю о том, в каком состоянии пребывает весь наш мир. Готовы ли мы к тому, что грядет?

Это беспокойство овладело мной, когда возле нашей двери появился Бернсайд с подарком. Конечно, раньше сама идея была мне по вкусу: все наши злейшие враги превращаются в робких подлиз. Красиво, черт побери! Но когда эта идея материализуется, превращается в реальность – тут есть от чего сойти с ума. Похоже на то, когда смотришь в черные глаза первого убитого тобой оленя и думаешь: ну и что теперь? Или на триумфальное отчаяние, которое овладевает тобой, когда попадаешь в утку, а она, упав и скатившись по склону утеса, навсегда исчезает из виду, и ее уже не найти – никогда.

Я думаю об этом... и все больше понимаю, что все в этом мире может быть объяснено в терминах охоты. То есть любое наше действие или бездействие может быть соотнесено с генетически унаследованными нами первобытными навыками борьбы или бегства.

Например, добиться расположения девушки – это все равно что застрелить оленя. Здесь тоже важно приближаться медленно и осторожно, желательна сзади, чтобы не сразу заметили. Женщин, как и оленей, отпугивает сильный запах мускуса, а потому в обоих случаях следует пользоваться дезодорантом. Не лишним будет нарядиться в камуфляж: по своему опыту знаю, что девушки считают, что камуфляж – это круто. Но если не заикливаться на деталях, то самая важная вещь при охоте на девушек – это знать, когда нажать на спусковой крючок. Конечно, это метафора. Решительный шаг нужно делать тогда, когда дельце как следует вызрело; в противном случае все пойдет насмарку. Это я тоже знаю по опыту.

Если перенести эту аналогию на мою ближайшую соседку, Алиссу Морроу, она представляется мне оленем, которого я никогда не смогу подстрелить. То есть я подбираюсь совсем близко, чтобы сделать решительный шаг или, по крайней мере, сказать ей, что я чувствую, но по какой-то причине все выходит невпопад. Я всегда считал: если я постоянно буду в правильном месте, нужный момент настанет сам собой. Поэтому в этом году я взломал школьный компьютер и построил свое расписание так, чтобы пять из шести своих предметов проходить с ней в одном классе. Можно было бы и все шесть, но тогда это будет слишком очевидно.

Сегодня утром Алисса заканчивает работу в палисаднике перед домом. Кажется, она пытается добыть воду из их оросительной системы, но та, понятно, не работает. Если судить по буро-коричневому цвету их газона, спринклеры остаются сухими уже не меньше месяца,

как, впрочем, и везде. Что касается моих на Алиссу видов, то я чувствую: сейчас самое время действовать. Надеваю полувоенный камуфляжный жилет песчаного цвета и выдвигаюсь в ее направлении.

Выхожу из дома и вижу, что Алисса движется по направлению к гаражу с тяжеленным инструментальным ящиком в руках. У меня выгодная позиция, с которой мне удобно занять левый фланг. Приблизившись, я сглатываю – нервы блокируют мне горло.

– Помощь нужна? – выдавливаю я из себя, одновременно вспоминая, что именно с этими словами я подошел к Алиссе, когда она выгружала из машины лед. Надеюсь, она благосклонно оценит мое постоянство.

– Все в порядке, – отвечает она. – Я справляюсь.

Хотя видно невооруженным взглядом – она не справляется. Наверное, ей просто не хочется показаться в моих глазах слабой. Поэтому я усиливаю натиск.

– Дай, возьму хотя бы эти, – говорю я, забираю из ящика несколько гаечных ключей и рассыпаю по карманам. Важно иметь брюки с большим количеством карманов. Девчонки без ума от парней в таких брюках.

– Спасибо! – говорит Алисса, когда мы в гараже раскладываем инструменты по их полкам. И тогда я ловлю носом некий неприятный запах, идущий от дома. Должно быть, я непроизвольно поморщился, потому что Алисса замечает это и отворачивается – думает, что я решил, будто запах исходит от нее.

– Проблемы с септиком? – спрашиваю я.

– Мне кажется, из-за недостатка воды газ из канализационных труб поднимается в дом, – отвечает Алисса. – Мой отец как раз работает над насосной системой, которая все исправит.

Увы, как я понимаю, это неизбежно. Все дома в округе, за исключением нашего, неизбежно будут источать этот ужасный запах. Но не все семьи, в отличие от семьи Алиссы, пытаются решить эту проблему. Конечно же, отец Алиссы делает все не так.

– Все, что вам нужно, это жидкость с нулевым коэффициентом испарения, которая создаст пробку в трубах. Достаточно налить одну чашку. Тогда никакой канализационный газ не пройдет.

После чего я добавляю:

– Именно так работают системы, где не используется вода.

Алисса с недоверием смотрит на меня, и я понимаю, что для нее это слишком обширная информация.

– В общем, – говорю я, слегка запинаясь и отводя взгляд в сторону, – я могу одолжить тебе бутылку. У нас этого добра хватает.

Это именно так. Правда, если мой отец узнает, что я это сделал, он меня покусает. Но дельце того стоит – если судить по тому, как просветлело лицо Алиссы.

– Спасибо тебе, Келтон, – говорит она. – Это царский подарок.

Увидев ее улыбку, я решаю – пора. И протягиваю ей свою солдатскую флягу.

– На, попей, – говорю я. – Ты же хочешь, верно?

Алисса осторожно принимает флягу.

– А ты уверен? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

– На что же тогда нужны друзья?

Она делает несколько глотков и возвращает флягу. Теперь пью я. Это почти поцелуй, понимаю я, и от этой мысли меня бросает в дрожь.

– Спасибо, Келтон, – вновь говорит Алисса. Мы снова стоим в молчании, но теперь эта связывающая нас тишина кажется более естественной, и от этого мне хорошо.

Неожиданно, безо всякого предупреждения, словно из воздуха появляется Гарретт и забирает у меня флягу.

– Спасибо, Келтон! – говорит он, явно издеваясь.

– Не хами, – обрывает его Алисса. – Это не твое.

В этот момент входит их отец с ящиком грязной ветоши, а потом, несколькими секундами позже и мать. Она, с трудом сдерживаясь, улыбается.

– В новостях говорят, что на побережье устанавливают опреснители, – говорит она. – Сегодня днем первую воду пустят в Лагуна-Бич.

– Что такое опреснитель? – спрашивает Гарретт.

– Опреснитель превращает соленую воду в пресную, – объясняю я. – В Сан-Диего уже есть большой завод, но нам он не поможет.

По правде говоря, он не сильно поможет и Сан-Диего. Конечно, несколько лет назад они поступили благоразумно, построив его. Но, увы, мощности завода хватит только на то, чтобы дать восемь процентов необходимой городу воды. Меньше, чем одному человеку из десяти. Это не то решение, на которое они надеялись.

Отец Алиссы оттирает пот со лба.

– Мы платим огромные налоги, чтобы содержать такие конторы, как Агентство по чрезвычайным ситуациям. Пора бы им заняться делом.

– Не хотят же они, чтобы мы тут все умерли от жажды, – высказывается мать, обводя нас взглядом в поисках одобрения.

– Дело в цифрах, – качает головой отец. – Калифорния – одна из крупнейших экономических зон. Страна нуждается в нас, и с их стороны было бы глупо про нас забыть.

Я согласен с отцом Алиссы, но одновременно я как бы слышу голос собственного отца, который жалуется на то, что власти допустили тысячи ошибок, в совокупности и доведшие нас до катастрофы. Это разные уступки и поблажки потребителям воды; это бесчисленные, равно как и бессмысленные, комитеты и советы по сохранению ресурсов; это и черные полиэтиленовые шарики, которыми, чтобы сократить испарение, засыпали поверхность лос-анджелесского резервуара – и все напрасно!

И я не понимаю, движемся ли мы к действительному решению проблемы или по-прежнему предпринимаем отчаянные попытки залить лесной пожар из пипетки.

Я открываю рот, чтобы задать на этот счет вопрос, но тут же останавливаю себя, вспомнив, что отец говорил мне про *овец*. Про их поведение. Про то, как инстинкт овцы заставляет ее следовать за членом стада, идущим непосредственно впереди, и как овцой, если сбить ее с курса, овладевает неодолимая первобытная паника, способная ее убить.

В школе я как-то делал презентацию по поводу стада овец где-то в Турции, которое погибло, упав в глубокую расселину в горах. И произошло это просто потому, что каждая из овец, неспособная посмотреть на картину более широко, тупо следовала за овцой, идущей впереди; упала первая – следом попадали и остальные. В связи с этим мне интересно понять: что хуже – смотреть, как все, кого ты знаешь, гибнут в расселине или же с такой силой расшатать свое представление о реальности, что это лишит тебя желания жить?

5) Алисса

Сегодня наш туалет явно мстит нам за то, что мы творили с ним эти долгие годы. Производит какие-то булькающие звуки и выдает запах протухших полгода назад яиц. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы, хорошенько вычистив его, залить двумя стаканами той запорной жидкости, что дал нам Келтон. И тогда наш дом будет пахнуть так, как должно пахнуть жилище, а не септический отстойник. И отец, как верховный правитель нашего домашнего хозяйства, дело очистки туалета поручил нам с Гарреттом.

Этим утром отец давал всем указания, повсеместно развешивая умеренно-агрессивные бумажки с заданиями. Некоторые прятались в укромных местах, словно пасхальные яйца, некоторые красовались на виду. Одна из последних украшала холодильник и гласила: «Шесть

чашек воды в день!». Другую отец повесил в ванной, и она предупреждала: «Только сухой душ», и это означало исключительно гель и бумажные полотенца. Но самой ужасной надписью была «Помой меня», и эта надпись висела над унитазом. Вообще, с туалетом мы управлялись. Отец научил нас приспособливать под сиденье унитаза герметичные пакеты, и мы обходились этим, выбрасывая их после каждого похода в туалет. Кошмар, но, в общем, похоже на то, как поступают туристы, отправившиеся в поход, в объятия дикой природы. Но чистить унитаз и трубы в их теперешнем состоянии – это было жестоко. Необычное по суровости наказание.

Мы с Гарреттом решаем начать с туалета на втором этаже, а заодно посмотреть и на воду, которая хранится в верхней ванне. Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что с субботы количество воды изрядно сократилось. Сегодня утром мать тайком дала пару галлонов живущим на соседней улице друзьям. Поскольку на побережье очень скоро установят опреснители, воды будет вдоволь для всех, а потому почему бы и не проявить щедрость? Что до меня, то я бы поступила точно так же.

– Как мы будем чистить туалет, если нельзя использовать воду? – спрашивает Гарретт, надевая желтые перчатки, которые повизгивают, если потереть пальцы друг о друга.

– Отец говорит, чистящие средства лежат под раковиной, – отвечаю я. – Думаю, остальное ты без труда сообразишь.

Зажав нос, я заглядываю в глубины унитаза. Там пенится какая-то черная жидкость.

– Почему именно я должен это делать? – нудит Гарретт.

– Потому что мы должны делать это по очереди, – отвечаю я, после чего апеллирую к его мужскому эго.

– К тому же ты – мужчина, – говорю я. – И уж ты наверняка лучше меня справишься с работой сантехника.

Гарретт согласно кивает, удовлетворенный тем, что хоть в чем-то я признаю его превосходство. Затем он залезает под раковину и достает чистящие средства.

– Что-нибудь с хлором лучше всего, – говорю я.

Гарретт извлекает на свет божий зеленый контейнер порошкового «Кóмета» – основанного на хлорке универсального чистящего средства – и ставит его на край ванны. И в тот момент, когда доньшко контейнера касается ее края, я представляю себе реализацию самого худшего сценария дальнейшего развития событий, и этот сценарий начинает материализоваться в тот самый момент, когда Гарретт выпускает «Комет» из рук. Контейнер, оставленный на скошенном под углом краю ванны, начинает сползать вниз.

Сердце мое взрывается бешеным стуком.

– Гарретт! – кричу я, и это все, что я способна сделать.

Брат разворачивается, но не успевает даже понять, в чем дело, как контейнер с порошковым «Кометом» срывается с края ванны и падает в воду.

Гарретт смотрит на меня; лицо у него белое, совершенно бесцветное. На мгновение в ванной повисает жуткая тишина.

Гарретт бросается к контейнеру, пытается схватить, но тот ускользает от него и отплывает дальше. А в воде тем временем уже начинает клубиться ядовитый порошок универсального чистящего средства. И, наконец, реальность во всей своей кошмарной ясности обрушивается на меня.

Гарретт только что отравил всю воду, которой мы располагали...

– Может быть, можно хоть немного спасти! – говорит он.

Хватает и тащит из воды контейнер, но тащит за дно, и из контейнера в воду высыпается еще изрядная порция порошка, тут же распространяющегося по ванне.

– Что тут спасать, идиот? – рявкаю я.

– Это ты виновата, – отбивается Гарретт. – Ты велела искать порошок с хлоркой.

– Ты всегда был недотепой! Ты хоть понимаешь, что натворил?

Но Гарретт уже не защищается. Его лицо сморщилось, глаза заблестели, слезы полились по щекам, а тело конвульсивно задергалось в рыданиях.

Сестра я ему или не сестра? Я почувствовала укол совести. Если бы только можно было вернуть обратно те слова, которыми я только что его отхлестала!

– Прости меня, – сквозь рыдания мямлит Гарретт, пряча лицо в ладонях.

– Ладно, – говорю я и обнимаю брата, чего не делала уже давным-давно. – Успокойся. На берегу устанавливают опреснители, и воды будет вдоволь. Помнишь, что говорили родители?

Гарретт кивает, медленно успокаиваясь.

– В конце концов, из ванны пить – это противно, – говорю я, а Гарретт смеется. Со слезами уходит и отчаяние.

Я соглашаюсь сама рассказать родителям, что произошло с водой, потому что Гарретт настаивает, что у меня это получится лучше, чем у него. Причина, правда, совсем не в этом, а в том, что он боится это сделать. Почему-то он считает отца и мать более страшными, чем они есть на самом деле. Но, в конце концов, произошедшее – это вам не бомба-вонючка, не испорченный обед и даже не разбитое стекло.

– Я им скажу. Но вину я на себя не возьму, – говорю я Гарретту. – Я знаю, все вышло случайно, но ты должен понять, что кое в чем ты все же виноват.

Какая же я ему, в конце концов, старшая сестра, если не буду учить его ответственному отношению ко всему, что он делает и будет делать впредь?

Готовясь к самому худшему, иду к отцу и матери, чтобы все рассказать. Но они даже не злятся, что, как я понимаю чуть позже, гораздо хуже.

– Всю воду? – уточняет отец, как будто есть способ отделить в ванне воду чистую от воды, загрязненной «Кометом».

– Гарретт не виноват, – говорю я, хотя это совсем не так. – Он просто хотел отчистить унитаз, как вы и велели.

Ожидаю, что мать скажет, что я пытаюсь нашу с Гарреттом вину переложить на них с отцом. Но она не отвечает на мой вялый удар. То, что произошло – действительно серьезное событие. И злость здесь неуместна. Тут нужно сразу переходить к спасению того, что еще можно спасти.

– У нас в холодильнике есть кувшин, – говорит мать, глядя на отца.

Тот кивает.

– Опреснители должны установить уже сегодня, – произносит он. – Как только сможем, мы туда поедем.

– А может быть, будем кипятить воду из ванны и собирать пар? – предлагаю я.

В школе, в седьмом классе, мы делали дистиллированную воду в лаборатории. Насколько я помню, воды получилось с пробирку, но, наверное, Келтон мог бы нам помочь сделать что-то более функциональное?

Неужели я действительно подумала о Келтоне как о помощнике?

– Этот проект мы реализуем в другой раз, – говорит отец, явно подавленный новостью, которую я принесла.

– Простите меня, – говорю я, чуть не плача. – Это так ужасно. Простите.

– Слезы делу не помогут, моя милая, – говорит мать.

– Тем более, что и пить их нельзя, – вставляет отец, и, чтобы не разрыдаться у них на глазах, я крепко сжимаю зубы.

Иду наверх, чтобы успокоить Гарретта: никто не станет отдавать его на усыновление, не отправит в концентрационный лагерь и не превратит в начинку для мясного пирога. Но Гарретта нигде нет! Обследую ванную, задний двор и даже гараж; и тут замечаю, что исчез его велосипед. Брат смотался, никому ничего не сказав, от страха, что отец и мать ему что-нибудь сделают.

Но те бросают все, и мы отправляемся на поиски Гарретта. Нужно разделить и тщательно исследовать все возможные места, куда он мог убежать. Родители обеспокоены гораздо больше, чем я предполагала. Когда речь идет о Гарретте, они всегда чуточку «пере». Гаррет родился недоношенным, и родители относятся к нему сверхбережно. Даже сейчас, когда он уже не младенец – стоит ему оцарапаться, и они уже готовы вызвать «Скорую помощь» и отправить Гарретта в больницу для немедленной, безотлагательной пересадки кожи. Пытаюсь успокоить себя – таковы уж мои родители, но сегодня, при сложившихся обстоятельствах, я тоже изрядно встревожена.

Моя задача – прочесать парки, где Гарретт обычно болтается со своими приятелями, а также велосипедные дорожки, бегущие параллельно магистралям. Беру свой велосипед, но шины у того спущены – я же им не пользовалась уже много лет. Пытаюсь накачать, но ничего не выходит, сколько ни вожусь с насосом. Остается скутер, который я не знаю, как включить, да эта дурацкая пого-стик, палочка-кузнечик, которую изобрел, видно, сам Сатана в свободное от придумывания одноколесного велосипеда время. Перебрав безуспешно все варианты, я понимаю, что мне все-таки придется прибегнуть к помощи Келтона. Поможет по-соседски? Даст мне напрокат свой велосипед или из подручных средств сделает заплатку на моих шинах. Я звоню в его дверь, и он сразу же открывает, словно ждал меня.

На пустую болтовню времени нет, потому сразу перехожу к делу.

– Будь другом, – говорю я. – Гарретт пропал, и мне нужен велосипед.

Как ни странно, Келтон реагирует вполне по-человечески.

– Можешь взять велосипед моего отца, – говорит он. – Сейчас прикачу.

Он на минуту уходит, и мы встречаемся у боковой калитки. Отличный велосипед у его отца! И тут я понимаю, что Келтон вытащил на улицу и свой.

– Две головы лучше, чем одна, – говорит он. – И лучше бы тебе одной не ездить. Когда все спокойно – это нормально, но сейчас нас, похоже, ждет буря.

Оказывается, не так трудно быть нормальным человеком.

– Да ничего страшного, Келтон, – возражающим тоном говорю я. – Тебе совсем не обязательно ехать со мной.

– Это будет платой за то, что ты взяла займы велосипед моего отца.

Да, Келтон не менее прямолинеен, чем я. Никаких переговоров, все у него решено.

– Ладно, – наконец, соглашаюсь я. В принципе, я и не возражала бы, поскольку на шкале «угроза-того-что-мне-вынесут-мозги» Келтон передвинулся с оранжевой полосы на желтую.

Мы начинаем с задних велосипедных дорожек, которые постепенно выносят нас к главной улице, на которой стоит школа Гарретта. Моя школа – напротив. Мне приходит мысль: наверняка Гарретт прячется в месте, которое ненавидит больше всего, больше, чем цветную капусту и уроки фортепиано, вместе взятые – в начальной школе города Медоу-Крик.

Задав велосипеду наклон, я намереваюсь на ходу повернуть, но тут мимо нас, едва не задев, пролетает грузовик. Поначалу я собираюсь спустить на бесшабашного водителя всех собак, но когда понимаю, что это за машина, спина у меня холодеет, и я прекращаю крутить педали.

Это зеленый камуфлированный армейский грузовик без тента, и он битком набит вооруженными солдатами. Первая мысль, пришедшая мне в голову, оказалась глупее глупого. Такая чушь прилетает, когда сознание не успевает прогнать ее через мозг.

– Какого черта? – спросила я. – Мои родители решили вызвать нам на подмогу долбаную национальную гвардию?

– Я говорил тебе о буре? – напоминает Келтон.

К этому моменту мои мозги зашевелились, и я начинаю понимать, что вокруг нас происходит нечто более значительное, чем поиски моего ушедшего в самоволку брата. Не так уж уютно чувствуешь себя, когда по привычным для тебя и таким домашним улицам разъезжают

военные машины. И, словно для того, чтобы мое самочувствие резко ухудшилось, грузовик с солдатами въехал на дорожку, ведущую во двор моей школы.

– Что происходит, как ты думаешь? – спрашиваю я Келтона, полагаясь на его обширные, хотя и бесполезные познания в военном деле.

– Не знаю, – отвечает он. – Для объявления военного положения рановато...

– А пояснить? Для тупых.

– Военное положение – это когда всем заправляет армия. То есть боссы в правительстве решают, что местная полиция не справляется, и присылают солдат.

– Но это же хорошо, правда? – пытаюсь я убедить саму себя. – Более безопасно.

Говорю и поудобнее устраиваюсь на сиденье велосипеда.

Келтон пытается улыбнуться.

– Наверное, – говорит он, хотя я и чувствую, что он не верит в то, что говорит. – Может быть.

Может быть! Меня уже тошнит от этих «может быть»!

Может быть, объявят военное положение. *Может быть*, Федеральное агентство доставит цистерны с водой. *Может быть*, завтра все будет отлично. Хуже нет, чем жить в мире, лишенном определенности. Поэтому я разгоняюсь и качу вслед за военным грузовиком. Нет, я не злюсь. Я просто хочу знать. Хочу убить это «может быть». Келтон, верно, хочет того же, потому что он крутит педали чуть сзади.

Мы проезжаем ближний кампус, футбольный стадион, а потом и теннисный корт, чтобы посмотреть, где грузовик остановится. Но только когда мы, наконец, доезжаем до водного стадиона, то получаем ответы на свои вопросы. Оказывается, здесь не один грузовик, а целый отряд военных машин. Они полностью взяли в кольцо и блокировали бассейн... потому что для школьных бассейнов законодатели сделали исключение, и только там сохранилась вода – из всех существующих в Калифорнии бассейнов.

Водный стадион по всему периметру патрулируют вооруженные автоматическим оружием солдаты. А в глубины бассейна уходит дюжину толстых шлангов, которые высасывают воду, перекачивая в стоящие здесь же цистерны. Вдруг один из охранников замечает нас и пристально вглядывается. Я не отвожу глаз, но и ближе не подхожу. *Похоже, я для него враг.*

– Я должен был догадаться, – говорит Келтон, огорченный тем, что какой-то факт ускользнул от его цепкого мозга.

– Эти идиоты думают, что мы станем пить воду из бассейна? – смеюсь я. – У меня есть подруги, которые играют в водное поло. Я-то знаю, что здесь за водичка. Пить ее? Разве что за кругленькую сумму.

– Если они умеют убирать из океанской воды соль, рыбы кишки и китовое дермо, то с тем, что оставляют в бассейне недоумки из водного поло, они как-нибудь справятся, – говорит Келтон.

Каким-то образом то, что сказал Келтон, срезонировало с моей памятью, с тем, что говорил Гарретт, когда мы толкали ту сломанную тележку в «Костко».

Я охнула, и Келтон с удивлением посмотрел на меня.

– У Гарретта есть приятель, Джейсон. А у него в доме огромный аквариум. Наверняка Гарретт отправился к ним попросить воды.

Гарретт часто бывает суров по отношению к самому себе, и он не из нытиков. Поэтому логично, что он попытается разрулить ситуацию, вместо того чтобы убежать от нее. Я протягиваю руку к телефону и понимаю, что телефона со мной нет. Оставила на ночном столике. Ну и дура же я!

– Можно мне твой телефон? – прошу я Келтона. – Я должна сказать об этом родителям. Они туда быстрее доберутся.

Келтон протягивает мне свой телефон, но, тупо уставившись на экран, я вдруг соображаю, что не знаю ни номера отца, ни номера матери. И вообще не помню наизусть ни одного номера, кроме того, что принадлежит моей тупой подружке из восьмого класса, которой я, во всяком случае, звонить не собираюсь.

Но я не хочу признаться Келтону в своей тупости и бесполезности, а потому говорю:

– Мы не так уж и далеко. Едем.

Вокруг квартала, где живет Джейсон, мы объезжаем дважды.

– Ты не знаешь, где он живет? – спрашивает Келтон.

– Помолчи, ладно? – обрываю его я, потому что действительно толком не представляю, где живет этот парень. – У него перед домом растет огромное дерево, – говорю я. – Дико большое, до изумления.

Но настолько больших деревьев нет поблизости нигде.

– Я уверена, это та самая улица, – настаиваю я, когда мы замыкаем третий круг.

Келтон задумывается, после чего говорит:

– Включим-ка логику. Если дерево было столь огромным, как ты говоришь, это грубое нарушение правил Ассоциации домовладельцев. Поверь мне, тут я профи: все, что бы ни делал мой отец, является нарушением правил.

– К чему ты ведешь?

– Я веду к тому, что не все способны противостоять напору Ассоциации.

Наконец до меня доходит.

– Пень! Нам нужно искать здоровенный пень!

И вот он, этот пень, через пять домов.

Келтон улыбается. Он весьма доволен собой. При иных обстоятельствах это вывело бы меня из себя, но сегодня он заслужил свой момент славы. Кто-нибудь другой сказал бы, что я либо вру, либо все забыла, но Келтон даже виду не подал, что сомневается в моей правдивости и моей памяти.

– Ну что ж, это было красиво! – признаю я, и мы идем к дому.

Келтон – сама скромность – пожимает плечами:

– Дедуктивный метод, только и всего.

Но подтверждается и моя способность к дедукции, потому что возле входной двери лежит велосипед Гарретта. Мы спрыгиваем с наших велосипедов и идем к дому. Дверь приоткрыта. Нелепо стучать в открытую дверь, но я делаю это. Ответа нет, и я распахиваю дверь полностью. Вхожу, а за мной входит Келтон. Внутри ужасный запах. Вонь гнили.

– Похоже, здесь мертвец, – шепчет Келтон.

Я не обращаю внимания.

В гостиной все выглядит прилично, за исключением нелепой античной статуи с прикрытыми листочком гениталиями. У кого-то проблемы со вкусом.

– По-моему, никого...

Пошел к черту! Я пересекаю гостиную и углубляюсь в дом.

– Гарретт! – кричу я.

Ответа нет.

– Кто-нибудь есть дома?

Келтон колеблется.

– Ты знаешь, – говорит он, – за проникновение в жилище хозяин запросто может нас подстрелить. И это будет в рамках закона.

– Отлично! – отзываюсь я. – Когда я буду лежать мертвая, ты мне скажешь: «Я же говорил!».

Поначалу Келтон идет за мной, но потом выходит вперед, вспомнив, что настоящий скаут никогда не станет прятаться за спину девчонки.

Мы пробираемся дальше по коридору, и чем дальше мы идем, тем более странным кажется ковер под моими ногами. Он мокрый, а запах еще хуже, чем на входе.

И вдруг я замечаю нечто.

Тропические рыбы. Множество. Мертвые, ими устлан пол в комнате. Я поднимаю глаза и понимаю почему. Огромный аквариум разбит. Когда-то он поднимался к самому потолку, и в нем была создана замечательная экосистема, включавшая коллекцию камней и кораллов. Именно об этом аквариуме говорил Гарретт.

Приближаюсь, чтобы рассмотреть получше. Передняя стенка аквариума расколота, и вся вода вылилась, за исключением небольшого, в дюйм, слоя на самом дне. И там, на этом мелководье, наполовину выставив тельце наружу, беспомощно барахтается рыба-клоун. Я осторожно беру рыбку и переношу в другую часть аквариума, где слой воды чуть потолще и где шансов выжить побольше.

– Когда я пришел, все так и было, – слышу я голос сзади.

Быстро оборачиваюсь и вижу Гарретта, стоящего в проеме кухонной двери.

– К тому же вода тут соленая, – продолжает Гарретт.

Я рада, что он нашелся, но уже через мгновение тысяча мыслей каскадом проносятся через мое сознание, и сдержаться я уже не могу. Мы, значит, с ног сбились, а он тут разгуливает по чужому дому, как ни в чем не бывало.

– И что ты тут тогда делаешь? – сердито спрашиваю я.

– Отцу нужен соус для пасты, и я решил, что могу позаимствовать пару бутылок, – объясняет Гарретт, как всегда, уходя от действительно важных вопросов. Потом смотрит себе под ноги и пинает воображаемый камень. – Не мог же я уйти с пустыми руками, верно?

– Мать с отцом там с ума сходят! Мы все с ума сходим, – говорю я, хотя Гарретт, понятно, обо всем этом знает. Гнев мой стихает, и я оглядываю комнату, наконец вникая в жутковатые детали ее убранства.

– Какого черта здесь произошло? – спрашиваю я, обращаясь к Гарретту.

Тот пожимает плечами.

– Я думаю, они свалили из города, а потом кто-то сюда вломился.

– Да, – задумчиво бормочет Келтон, глядя на мертвую рыбку. – Не думаю, что они приходили за суши.

В иных обстоятельствах то, что он сказал, звучало бы преуморительно. Но не сейчас.

Келтон нагибается и поднимает с пола кусок стекла. Рассматривает изучающе. В стекле играет луч солнца. И тут я замечаю то, что Келтон уже увидел – кровь.

– Бежим отсюда! – просит Гарретт.

Второго приглашения нам с Келтоном не нужно. Мы даже забываем про соус для пасты.

Когда мы возвращаемся, отец с матерью даже не наказывают Гарретта, что меня немного беспокоит. Вместо этого они рыщут по дому в поисках пустых канистр, чтобы взять с собой к опреснительным машинам.

– Ты думаешь, нам дадут больше двух галлонов? – говорит мать, сунув голову в кладовку.

– Мы всегда сможем вернуться и взять еще, – отвечает ей отец из глубин шкафа.

Из двери, ведущей в гараж, появляется Гарретт. В руках у него канистра, которую мы обычно используем в загородных поездках.

– Эта пойдет? – спрашивает он.

– То, что нужно! – отвечает мать.

Гарретт, счастливый тем, что его не наказали, старается вести себя как идеальный сын. Это будет продолжаться не больше пяти минут, или я не знаю своего братишки.

– Следи за братом, – говорит мне мать. – И поосторожнее с Макрекенами! Помни, для таких людей, как мы, у них есть десятифутовые багры.

Отец появляется в кухне и, забрав из стоящей на столешнице коробки ключи от машины, произносит:

– Слушай, что говорит мать.

А что говорила мать, он и представления не имеет.

– Келтон не такой уж и плохой, – говорю я и ловлю себя на том, насколько странно звучит это из моих уст.

Мать с отцом, с пустыми канистрами под мышкой, направляются к дверям. Отец на мгновение приостанавливается и произносит, глядя на меня:

– Ты же помнишь, его старший брат сбежал от них, как только представилась возможность. Рванул так, что чуть подошвы на пороге не оставил.

Гарретт – сама вежливость – открывает перед родителями дверь и придерживает ее. Мать целует его в темечко.

– Пока, – говорю я с улыбкой. Родители садятся в принадлежащий матери «Приус», поскольку отцовская машина все еще выздоравливает в гараже. В подобные моменты, когда они вместе, я радуюсь, что у меня такая семья. Подростки, как правило, считают своих предков слишком нелепыми и старомодными и постоянно жалуются на это. Но те время от времени умеют доказать, что их отпрыски совсем не правы. И я, провожая родителей, вдруг совсем по-детски начинаю жалеть, что на прощанье не обняла их.

б) Келтон

Я решил ничего не говорить отцу о военных машинах, которые видел во дворе нашей школы. Конечно, все это очень серьезно, но есть одна загвоздка: у нас никак не получается закончить с моим старшим братом Брэди, и, пока есть надежда, что он вернется, лучше не раскачивать лодку. А то, если мы переберемся в наше укрытие в горах, как он нас найдет? Ведь отцу только повод дай! В его голове искры Армагеддона моментально разгорятся в пожар Апокалипсиса. Я и так вижу огоньки безумия в его глазах, когда он слышит о закрытии все новых и новых школ. Мне-то все равно, это для меня не трагедия. Не то чтобы я ненавидел школу, но я гораздо больше узнаю, сидя дома. И я предпочел бы вообще перейти на домашнее обучение, если бы, конечно, у моих родителей хватило терпения.

Ну их к черту, эти глупые мысли. Я беру свое ружье для пейнтбола и тренируюсь на заднем дворе. Мне удастся поразить все выбранные цели, и в этом я вижу добрый знак. Опреснители, установленные на побережье, сделают свое дело. Воды хватит на всех. И все в итоге будет хорошо.

На заднее крыльцо выходит отец.

– Не забывай перед выстрелом сделать выдох, – советует он.

Отец знает, о чем говорит. Двенадцать лет тянул лямку в морской пехоте. Мать, правда, посмеивается над этим бравым «сорвиголовой», который, если и рвал что-то, то только зубы у своих сослуживцев, поскольку все годы проработал в бригаде морпехов простым дантистом и ни разу не покидал базы.

Очередная серия выстрелов опустошает картридж моего ружья. Иду внутрь, чтобы поменять его, и в тот момент, когда заканчиваю, слышу стук во входную дверь. Отец открывает – это Роджер Малески, один из наших соседей. У семейства Малески только что родился ребенок, а потому мы не часто их видим. Правда, и до рождения младенца они редко баловали нас своим обществом. Да и мы, по правде говоря, не летаем по разным местным сборищам – мы ведь не бабочки!

– Как дела, Роджер? – спрашивает отец с улыбкой на лице.

– Даже не спрашивайте, – отвечает Малески. – Машина перегревается. Плюс проблемы с канализацией. Весь дом пропах бог знает чем.

– Понимаю, – отвечает отец. – У семьи Морроу, по соседству с нами, те же сложности.

Отец, тем не менее, не предлагает Малески ту волшебную жидкость, которую мы используем для решения наших проблем.

И тогда Малески отводит глаза, избегая смотреть прямо в лицо моему отцу. У того же нет времени ходить вокруг да около.

– Что я могу для вас сделать, Роджер? – спрашивает он.

Малески вздыхает.

– Это все наша дочка, – отвечает он. – Ханна кормит, но у нее сильное обезвоживание, и я боюсь, что грудное молоко скоро кончится. У нас есть кое-какие средства для лактации, но без воды они бесполезны.

– Мне очень жаль, – искренне говорит отец. – Но как мы можем помочь?

Малески мнется, после чего говорит:

– У вас же есть всевозможные вещи на крайний случай. Ну, чтобы выжить. Все же знают, что вы запаслись всем, чем угодно, и никакой апокалипсис вам не страшен.

Он нервно усмехается, заметив, как отец хмурится при слове «запаслись». Словно в самой подготовке к самому худшему жизненному сценарию есть что-то само по себе нелепое. И тогда я замечаю, что руки у Малески трясутся, словно он тысячу раз прокручивал этот диалог в своей голове и так и не решил до конца, что и как ему говорить.

Я знаю своего отца слишком хорошо, чтобы догадаться, что просто так он ничего не отдаст. В таких обстоятельствах стоит только начать, и все покатится по наклонной плоскости. А наклонные плоскости, особенно скользкие – это то, что моему отцу не по вкусу.

Как бы случайно, но явно в стратегических целях отец берется за дверь. Не для того, чтобы закрыть ее, но чтобы быть готовым сделать это в любой момент.

– Ключевое слово здесь, Роджер, это – «выжить». Да, у нас есть все необходимое для выживания.

Малески берет паузу, чтобы перегруппировать свои мысли, и делает новую попытку.

– Да, – говорит он, – я понимаю. У вас есть принципы, и вы не собираетесь идти на компромисс. Но я прошу вас, Ричард. Вы же можете что-нибудь сделать... я имею в виду... это же *ребенок*.

Отец взвешивает варианты.

– Думаю, я могу дать вам несколько подсказок, – говорит он.

– Подсказок?

Отец кивает и делает жест в сторону огорода, который находится за домом Малески.

– У вас там целые грядки отличных сочных растений. Вы можете измельчить их, потом выжать, и это даст вам, по крайней мере, один галлон жидкости. Я могу даже показать вам, как сделать конденсатор, с помощью которого можно добывать воду.

– Воду из кактусов? – Малески смеется, не веря своим ушам.

Отец снисходительно улыбается.

– Именно, – говорит он. – Завтра к утру у вас уже будет вода.

Улыбка на лице Малески потухает – он понимает, что это никакая не шутка.

– У меня есть семья, и я обязан о ней заботиться, – говорит он наконец. – На всякие глупости у меня нет времени.

– Если вам действительно нужна вода, вам придется потратить на это кое-какое время.

Малески даже не пытается сформулировать ответ. Его глаза сужаются от злости, а губы изгибают ярость.

– Да кто вы такой? – бросает он в лицо отцу.

Но отец не теряет хладнокровия. Он стоит спокойно, даже не шелохнувшись.

– Роджер, – говорит он. – Я предлагаю вам гораздо более ценную вещь, чем бутылка воды. Уверенность в себе и своих силах. Умение справляться с обстоятельствами без посторонней помощи.

Лицо Малески темнеет; странным, совершенно диким взглядом он смотрит в глаза моего отца.

– И вы будете здесь просто стоять и ждать, пока в груди у моей жены не закончится молоко? – наконец хрипло произносит он.

– А что вы на меня злитесь? – отвечает отец. – Как будто я виноват в том, что *вы* ничего заранее не предусмотрели!

– Вы – сукин сын, вот вы кто!

А вот этого говорить не следовало. Отец с трудом переносит общение с дураками, а дурак для него – это тот, кто ждет, что его проблемы будут решать за него другие люди.

– Приходите, когда научитесь вести себя так, как ведут себя нормальные члены человеческого общества, – говорит он резко и пытается закрыть дверь. Но Малески бросается вперед, на порог и не дает ему этого сделать.

– Сейчас я сотру эту улыбочку с вашей физиономии, – рычит Малески, хотя отец и не думал улыбаться. Отец пытается вытолкнуть соседа, но у того от отчаяния зашкаливает адреналин, и он продолжает ломиться вперед, нанося удары. Под его напором отец, прикрывая лицо рукой, отшатывается. Дверь распаивается во всю ширину.

И тогда я поднимаю ружье, выдыхаю и нажимаю на курок.

Трижды я попадаю Малески в грудь. Прямо в цель. Удар за ударом заряды, выпущенные мной, отбрасывают его на дверной косяк. Вся его яростная храбрость улетучивается. Он стонет, словно умирающий. Затем бросает взгляд себе на грудь и рассматривает голубые флюоресцирующие пятна на рубашке. Сердце мое глухо стучит в груди – так же, как, возможно, и его сердце. Малески смотрит на меня загнанным, безумным взглядом – словно я действительно пробил дыру в его груди.

Затем я протягиваю руку к ранцу, болтающемуся на вешалке возле двери, запускаю в него руку и достаю бутылку воды, которую купил в школе, когда вода еще почти ничего не стоила. Протягиваю и сую бутылку в окрашенные голубым руки, с которых капает краска.

– Возьмите и уходите, – говорю я.

Малески смотрит на воду и краснеет, смущенный и ошарашенный тем, что, оказывается, гуманность еще существует в обезвоженном мире. Потом поворачивается и исчезает.

В это мгновение отец поворачивается ко мне. Губы его окровавлены, в глазах – ярость. И мне непонятны истоки этой ярости – то ли он еще не остыл от потасовки, то ли злится на меня, но не за то, что я остановил того парня своей краской, а за то, что отдал тому воду.

– Тебе не следовало вмешиваться, – говорит он. – Это не твоего ума дело.

– Да, сэр, – отвечаю я. – Понятно, сэр.

Когда отец спускает на меня собак, я всегда отвечаю по-военному, как старшему по званию.

Отец закрывает дверь и уходит.

Я рад, что поступил именно так, как поступил. Не потому, что удовлетворил свою давнюю фантазию пострелять из ружья для пейнтбола в кого-нибудь из соседей. Нет. Знает об этом отец или нет, но я понимал, как будут развиваться события. Что случится, если я не нажму на курок. В самый разгар противостояния рука отца инстинктивно скользнет к поясу, где в кобуре притаился его пистолет, и тогда...

Часть 2

Три дня – и ты животное

Стоп-кадр (первый из трех): активистка

Камилла Коуэн всегда была проблемой для всякого рода бюрократов и начальников. Еще в школе, в старших классах она открыто критиковала лицемерие людей, составлявших расписание, а также несправедливость дисциплинарной системы, и в ней с тех пор ничего не изменилось, хотя теперь она – студентка Университета Калифорнии в Ирвине и специализируется в социальной экологии. Единственное отличие состоит в том, что нынче ей ясна дорожка, которая приведет к изменению этого мира.

Не нужно быть гением для того, чтобы понять, что скоро у нас кончится вода. Достаточно время от времени читать отчеты о состоянии водных ресурсов, что Камила делает регулярно, чтобы иметь на руках все необходимые цифры. Но как сделать так, чтобы люди не обращали никакого внимания на эти цифры и ошибочно считали, что проблема у начальства под контролем? Для этого нужен талант и специальные навыки. И наделенных этими навыками сверхзлодеев Камила надеется вытащить за ушко да на солнышко – в самое ближайшее время.

За несколько недель до официального объявления об исчерпании ресурсов Камила организовала манифестацию протеста возле административных зданий в Санта-Ане, и поддержало ее рекордное количество демонстрантов – все члены студенческого совета ее колледжа. Но она понимала – одной акцией протеста ничего не добьешься. Если прошлый опыт ее чему-нибудь и научил, так это тому, что настоящие изменения возможны лишь при условии постоянного давления на власть и самоотверженной борьбы. Жесткой. Осязаемой. Действенной.

Сегодня ее протест будет вдохновлен тем, что она увидела на дороге – прямо перед собой. Все началось с шока, мгновенно преобразившегося в ярость. Двигаясь по дороге, Камила видит, как впереди, перед ее машиной, тащится спецгрузовик, в каких обычно перевозят воду. Грузовик этот принадлежит одной из многочисленных административных контор, не справляющихся со своими обязанностями по обеспечению водой населения, и в этом самом грузовике, в кузове, совершенно неприкрытые, стоят десятигаллонные бутылки с водой, которые едут к кому-то из избранных, сильных мира сего. А в это время сама администрация жалуется на полное отсутствие воды – ложь из тех, которые Камила всю свою жизнь изо всех сил старается разоблачать. Какое лицемерие! Если у вас нет воды – пейте вино! Скоро дойдет и до этого.

Поэтому вместо того, чтобы ехать на запад к опреснителям на побережье, Камила решает повернуть направо и проследовать за грузовиком.

Стоп-кадр (второй из трех): транспорт водоснабжающей компании округа Ориндж

Уже около года Дэвид Чен служит в компании по снабжению водой округа Ориндж, и недавно ему дали задание, которое, кроме нервотрепки, не приносит ничего или почти ничего. Сегодня он ведет грузовик, нагруженный питьевой водой, а рядом с ним сидит парень с дробовиком и в пуленепробиваемом жилете. Дэвиду тоже выдали жилет.

– На всякий случай, – объяснили ему. – Тебе не о чем беспокоиться.

Как будто он – распоследний дурачок.

Жилет тяжелый, в нем жарко, и не помогает даже кондиционер, установленный в кабине.

С Дэвида пот льет в три ручья.

Трубопроводы, по которым раньше подавалась вода, отключены в аварийном режиме; компьютеры, пытающиеся определить, сколько и где воды осталось, постоянно дают сбой; Дэвид же регулярно развозит питьевую воду по точкам, которым отдан высший приоритет. Только вчера он вез одну из дюжины автоцистерн с водой из школьного бассейна на базу морской пехоты в Кэмп-Пендлтон. Жестокие времена требуют жестоких мер, а потому менеджеры, занимающиеся распределением воды, стараются делать все, чтобы небеса в одночасье не рухнули на землю.

Время только что перевалило за полдень, и у Дэвида это лишь третий маршрут за день. Движение на дороге становится все более интенсивным с каждой минутой, а система «джи-пиз» только подливает масла в огонь, предлагая всем один и тот же альтернативный маршрут. Текущий протокол предполагает, что вся вода, находящаяся в распоряжении муниципальных властей, должна первым делом идти в больницы и правительственные учреждения. А о простых гражданах позаботится Агентство по чрезвычайным ситуациям.

Дэвид уже отжал баллон воды для себя и своей семьи. Такие баллоны обычно ставили на кулеры, и один из них ничего не значит в большой игре, которую ведут монополисты, владеющие водными ресурсами. Для себя Дэвид решил: это его боевые, так он сам себе заплатил за дополнительную нервотрепку и опасность, которой себя подвергает.

Это – регенерированная вода. Вот до чего мы докатились. Используем воду, оставшуюся в системе канализации, когда было объявлено об исчерпании ресурсов. Всю воду, что выходила из домов перед самым объявлением и направлялась в резервуары водоснабжающей компании округа Ориндж.

Компания не сбрасывает эту воду в океан, а очищает. Микрофилтация, обратный осмос, ультрафиолетовое облучение и прочая абракадабра, и вся канализационная вода последнего дня превращена в пятьдесят тысяч галлонов питьевой воды. Конечно, никто не обязан ее пить. Официальная точка зрения состоит в том, что эту воду следует использовать только для технических нужд муниципальных органов; тот же из чиновников, кто предложит эту сомнительного происхождения воду населению – несмотря на ее чистоту, – нарвется на политический скандал и вылетит со своего места, как пробка.

Но теперь всем наплевать, откуда взялась эта вода – лишь бы она была.

Сегодняшний рейс – по степени напряженности – из ряда вон. Дэвид везет воду рабочим, укрывающимся за забором электростанции в Хантингтон-Бич. Насколько Дэвид знает, станция, в которой одновременно могут работать не больше сорока рабочих, стала убежищем для персонала двух южнокалифорнийских энергоснабжающих компаний, общим количеством около трехсот человек. Стихийно образовавшийся лагерь беженцев. Туда Дэвид и направляется.

Он сворачивает с берегового шоссе и сквозь колеблющийся над асфальтом жаркий воздух видит электростанцию, которая встает на горизонте подобно уродливому индустриальному

миражу. Но недалеко от ворот он вынужден остановиться, потому что на дороге кто-то стоит. И то – не рабочий со станции, а девушка лет двадцати. По вызывающей позе, по ее сердитому взгляду Дэвид понимает, что она не собирается позволить ему спокойно проехать дальше.

Тем временем на противоположной стороне берегового шоссе, на прибрежной полосе возле Хантингтон-Бич измученная жаждой толпа, ожидающая прибытия опреснителей, замечает затормозивший грузовик.

Стоп-кадр (третий из трех): менеджер электростанции

Когда Пит Флорес был ребенком, то мечтал стать волшебником. Повзрослев, Пит научился волшебству управления электрическими сетями. Ближе к предмету своей детской мечты он просто не мог оказаться – теперь, в должности менеджера электростанции, он добывает электричество буквально из ничего – из природного газа. Его электростанция в Хантингтон-Бич производит четыреста пятьдесят мегаватт энергии, которой хватает, чтобы обеспечить почти полмиллиона семей. Но сегодня, впервые за все годы, что Пит провел здесь, его станция столкнулась с беспрецедентной ситуацией.

Что он должен был сделать, когда все его рабочие попросили укрытия за стенами станции? Отказать? А как быть с рабочими других электрокомпаний? Тоже отказать? А как быть с членами их семей? Главный офис его компании наверняка отказал бы. Но не потому, что они так жестокосердны. Просто они далеко и за расстоянием не видят человеческое лицо кризиса, поразившего Южную Калифорнию. Пита еще и наказали бы за то, что он сделал, а может быть, и уволили. Но он решил ни о чем не жалеть. Ясно одно: с каждым днем положение будет становиться все хуже, но работа, которую он исполняет, дарует ему чувство гордости и самоуважения.

То, что выпало на его долю, – пустяк по сравнению с тем, что случилось на атомной электростанции в Фукусиме, в Японии, после землетрясения и последовавшего затем цунами. Генераторы были затоплены и остановились, реакторы перегрелись, что могло привести к их расплавлению и выбросу огромной дозы радиации в окружающую среду. И что в этих условиях делал менеджер станции? Не убежал, как мог бы поступить, а остался со своими рабочими и, несмотря на опасность, вместе с ними охлаждал реакторы морской водой. Они все получили смертельную дозу радиации, но в десятки раз уменьшили уровень радиоактивного заражения окрестностей станции и океана. Вот как нужно держаться, когда в твоих руках судьба миллионов. Иногда, чтобы стать героем, приходится идти ко дну вместе с кораблем.

Поскольку его электростанция считается приоритетным объектом, все запросы Пита относительно еды и воды для рабочих беспрекословно удовлетворяются. И именно поэтому сюда явились и семьи рабочих. И Пит чувствует, что он уже не менеджер станции, а что-то вроде мэра небольшого городка. Это одновременно и пугает его, и бодрит. А интересно, не попробовать ли ему себя в роли настоящего мэра, если начальство выгонит его с работы за то, что он помогает этим людям?

Сегодня его турбины работают на полную мощность – электростанции в Редондо и Паломаре остановились. Из неофициальных источников стало известно, что рабочие и служащие просто перестали являться на работу, предпочтя служебному долгу заботу о собственной семье. И Пит, таким образом, убедился, как прав он был, пригласив сюда членов семей своих рабочих. И, тем не менее, остановка двух станций не могла его не беспокоить. Если остановки продолжатся, каскадный эффект вызовет необратимые сбои в работе магистральных электросетей, преодолеть которые – особенно сейчас, когда так много рабочих бросило работу, – в ближайшее время не представится возможным.

Ближе к вечеру начальник отдела контроля сообщает Питу, что грузовик с водой, которого они ждали весь день, находится перед воротами.

– Но возникли кое-какие трудности, – говорит он.

Пит настораживается. Хотя его работа как раз таки – преодоление разнообразных трудностей, то, с чем ему последнее время приходится сталкиваться, находится вне пределов его компетенции.

– Что за трудности? – спрашивает он.

– Может быть, вы посмотрите сами?

Большинство камер службы безопасности, установленных на станции, показывают, что все идет, как обычно. В закрытых зонах работают соответствующие механизмы и обслуживающие их техники, а в открытых своими делами занимаются неожиданные гости станции – родственники техников.

Но камера перед въездными воротами показывает нечто совершенно иное. Нечто, что ударяет Пита, словно разряд в тысячу вольт.

У ворот столпились десятки людей. Сначала Пит решает, что это какая-то демонстрация, демонстрация протеста. Такие нынче не редкость. Но почему здесь? Но потом Пит понимает, что объектом интереса этих людей является подъезжающий грузовик. И этот грузовик уже взят в кольцо. Нет, это не демонстрация протеста, а нечто гораздо более опасное, подогретое крайней степенью отчаяния.

– Сколько у нас на сегодня дежурит охранников? – спрашивает Пит начальника контрольного отдела.

– Трое, – отвечает тот. – Включая того, что у ворот.

– Пошлите всех к воротам.

– Звонить в главный офис?

– Вы шутите? Звоните девятьсот одиннадцать.

И тут же на экране монитора, соединенного с камерой у ворот, Пит видит: толпа, словно взорвавшись, бросается на грузовик. Все люди одновременно, все, как один, рвут из кузова баллоны с водой, разбивают ветровое стекло, тащат наружу водителя. О господи! Все происходит в мгновение ока!

С пассажирского места встает человек, похожий на охранника.

– У него что, дробовик?

Человек поднимает оружие и бесшумно стреляет в воздух. Секундой позже Пит слышит гром выстрела, приглушенный стенами и расстоянием.

Но охраннику удается сделать лишь предупредительный выстрел – толпа вырывает дробовик из его рук, а самого его тащит вниз, в мешанину гнева и ярости.

Начальник контрольного отдела отправляет охранников к воротам, а сам начинает лихорадочно набирать «девятьсот одиннадцать». Но уже поздно – толпа, в своем праведном гневe, проламывается сквозь ворота и начинает наводнять двор и помещения станции. И их совсем не десятки. Их сотни, если не тысячи.

Не имея возможности ничего предпринять для спасения станции, Пит Флорес смотрит на монитор камеры и понимает: эта толпа представляет собой силу столь же опасную, что и японское цунами. И, может быть, теперь его, Пита, очередь идти на дно с гибнущим кораблем.

7) *Келтон*

Проходит час за часом, и я начинаю понимать, что моей матери совсем не по душе то, как отец поступил по отношению к Малески, потому что она принимается готовить ужин на час раньше обычного – некий нервический ритуал, который мать исполняет в те дни, когда отношения в нашем доме становятся напряженными. Ранний ужин означает, что и в постель она ляжет на час раньше обычного, чтобы побыстрее рассчитаться с неудачным днем. Помимо прочего, моя мать – настоящий маньяк по части заморозки продуктов; а поскольку всю еду, что у нас есть и что еще остается, мы стараемся законсервировать, то время от времени на ужин запросто можно получить размороженный и запеченный в меду бекон с прошлой Пасхи плюс полпорции бобовой кассероли, которая зависла в холодильнике с Рождества.

Только, бога ради, не цитируйте меня.

Мать наполняет наши стаканы водой. Воды гораздо больше, чем положено по установленному рациону. Более того, на сей раз мать наливает по самый край – так, что нельзя поднять стакан, не пролив. Еще один знак того, что мать в гневe.

Отец садится на свое место во главе стола, в первые мгновения не замечая того, что сделала мать, и начинает резать свой кусок бекона. Постукивают ножи и вилки. Тикают часы. Никто не разговаривает; напряжение так велико, что воздух в кухне, кажется, застыл, и, чтобы пройти от стола к холодильнику, придется разрубать его мачете. Наконец, отец замечает переполненные стаканы. Смотрит на мать, потом на меня. Продолжает невозмутимо резать бекон.

Я пытаюсь разрядить напряжение каким-нибудь позитивом.

– Брэди возвращается? – спрашиваю я в надежде, что кто-нибудь ответит.

Отвечает отец:

– Мы пока не можем до него дозвониться.

Моя попытка не удалась. Я понимаю: нежелание Брэди общаться с нами – еще одна причина напряженности в семье. Брэди никогда не любил звонить. Или писать письма. Вообще, недолюбливал общение – в любой форме. Он выходит на связь только тогда, когда ему того хочется, и отвечает, когда другого выхода нет. Я думал, из-за кризиса хоть что-то изменится, а оказалось, я неправ.

– Мы жеждемся его, верно? – спрашиваю я. – Я имею в виду отъезд в наше убежище.

Отец энергично жует.

– Нам нельзя здесь дольше оставаться, – говорит он. – Вы же видите, как все оборачивается.

Мать доликает мой полупустой стакан доверху.

– Мерибет, – говорит наконец отец, показывая на мой стакан вилкой, – воду следует расходовать экономно.

– Твой сын хочет пить, – отвечает она.

Но я совсем не хочу пить.

– Это не страшно. Легкая жажда напоминает нам, что мы должны придерживаться установленного рациона, – говорит отец, и я чувствую, как злость горячей волной поднимается в нем.

– У нас много воды, – заявляет мать. – И если мы не будем ни с кем делиться, а выпьем все сами, то нас просто *разорвет*.

Еще когда я был маленьким, я понял: если родители ссорятся при мне, они шифруются, но все покровы срывает стремление к преувеличениям в формулировках.

– Я каждый день с кем-то чем-то делюсь, – парирует отец. – Я показал Кларкам, как построить портативную теплицу, и даже дал им кое-какие материалы. *Твоим* друзьям из нашего квартала я рассказал, как построить выносной туалет.

Мать встает из-за стола и отодвигает свою бумажную тарелку, хотя едва притронулась к еде.

– Не вижу никакого вреда в том, чтобы поделиться чем-то, что необходимо людям – той же водой. Мы же все равно оставим ее здесь, когда уедем.

Отец делает глубокий вдох, что означает – сейчас начнется лекция. Так океан отступает перед тем, как на берег обрушится первая приливная волна.

– Ты же знаешь, как это бывает, Мерибет, – говорит он. – Если мы начнем бесплатно раздавать воду, люди примутся требовать больше и больше. А когда дойдет до крайности, они попытаются взять ее силой. Как ты могла убедиться, – и он махнул рукой в сторону, где находился дом Малески, – нынче опасно делиться даже информацией.

– Они наши соседи!

– Когда речь идет о выживании, о соседях следует забыть.

– Нам жить с этими людьми, когда все закончится, – говорит мать.

– *Жить* – это ключевое слово, – отвечает отец. – И если все будет так плохо, как я предполагаю, не у всех это получится. А если мы собираемся остаться среди выживших, нам нужно придерживаться нашего плана и навесить на наши запасы большой замок. Хочешь раздать все,

что здесь есть? Отлично. Когда мы отправимся в убежище, просто оставь двери открытыми, и тогда мародеры разнесут наш дом в щепки.

Мать сдаётся. Отец нажал нужную кнопку – как всегда, многократно испытанную – кнопку силы и власти. Мать замолкает, замыкается в себе и сидит тихо. Такой она будет всю ночь, а может быть, и все завтрашнее утро.

Я встаю на ее защиту, хотя и говорю так, чтобы отец меня понял.

– Как пастухи мы должны руководить и направлять овец, а не помогать им, – говорю я.

– Помогать можно только тогда, когда убедишься в собственной безопасности, – кивает головой отец.

– И когда это будет? – спрашивает мать.

– Я тебе скажу, – отвечает он.

Произнеся эти слова, отец складывает салфетку, большими глотками пьет воду, опустошая свой стакан, после чего покидает кухню, оставив меня наедине с моей проигравшей в этом поединке матерью и остатками праздничного ужина, который мы вкушали в аду.

Схватки, подобные той, что случились сегодня в нашей кухне, я помню с раннего детства. Это была одна из причин, по которым Брэди ушел из дома, когда закончил школу. К тому же он отказался поехать в Стэнфордский университет, хотя и поступил туда. Только это сделало Брэди в глазах отца настоящим Врагом Человечества. Несколько месяцев перед тем, как старший брат закончил школу, отец не отставал от него. *Ты понимаешь, какие возможности перед тобой открыты?* – говорил он. – *Ты хочешь погубить свою жизнь ради какой-то девушки!* Потому что Брэди собирался сделать именно это. Его девушка отправлялась в Сэдлбэк, в наш местный колледж, и он не желал с ней расставаться.

Хотя настоящая причина была в другом. Я знаю Брэди лучше, чем родители. Он не поехал в Стэнфорд потому, что боялся. Точно я не знаю чего. Может быть, боялся остаться один и полагаться во всем только на себя? Боялся не соответствовать уровню университета? Жить среди незнакомых людей? А может быть, и того, и другого, и третьего понемногу? Так или иначе, он ушел из дома, нашел работу в магазине компьютерных игр и приезжает домой только в отпуск. Приезжает уже без своей подружки, и это может означать одно из двух: либо она терпеть не может нашу семью, либо он с ней расстался. Сам Брэди об этом ничего не говорил.

Мой отец делает вид, что по-прежнему сердит на Брэди, но я-то знаю, как он его любит. Хотя мы регулярно меняем замки на наших дверях, в укромном месте во дворе отец всегда оставляет для Брэди ключ – на тот случай, если тот захочет приехать. Он – единственный человек во всей вселенной, ради которого отец готов пренебречь всеми нашими системами безопасности.

В тот самый день, когда было объявлено об исчерпании ресурсов, я написал Брэди письмо и позвал его домой – так же, как это сделали и родители. Мы сообщили Брэди, что ему нужно присоединиться к нам, чтобы отправиться в наше убежище. Но, как я уже сказал, Брэди не любитель отвечать на письма. Наша с ним основная форма общения – ролевые игры в режиме онлайн. В зависимости от того, какую игру мы выбираем, он всегда – либо рыцарь, либо наемник, либо убийца. Я же – его закадычный друг. В эти дни я постоянно выходил в Сеть, надеясь его застать, но не получилось.

После ссоры с отцом мать долго сидит на кушетке с безучастным лицом. Она напилась успокоительного и теперь смотрит новости, меланхолично потягивая воду из стакана. Отец скрылся в гараже, что-то пилит и варит с утроенным усердием, из чего я делаю вывод, что родители так и не помирились.

– Ты как? – спрашиваю я мать.

– Все хорошо, Келтон, – говорит она. – Просто устала.

Я знаю, что определения к этому «устала» могут занять несколько томов.

Я догадываюсь, что отец работает над ловушкой, которую мы задумали сделать пару недель назад. Ловушка будет супер, я уверен – лучшие средства защиты отец мастерит именно тогда, когда сердится. Но в том, что родители поссорились, есть и светлая сторона – я могу уйти из дома и проведать Алиссу.

Алиссу и Гарретта я нахожу на их заднем дворе, в патио. Сумерки грозят перейти в полную темноту, и в этой обстановке Алисса и Гарретт возятся с пакетом для мусора, ведром и мангалом для барбекю. Похоже, они мастерят устройство для конденсации пара и собираются с его помощью очищать воду. И, хотя это производит на меня впечатление, я вижу, что они все делают не так.

– Привет! – говорю я.

– Привет! – отвечает Алисса из-за мешка.

– А вам не кажется, что лучше заниматься этим при дневном свете? – спрашиваю я. – Солнце уже почти село. Испарения и все такое прочее...

Алисса раздраженно отбрасывает пакет в сторону.

– Мы и начали при свете, – говорит она. – Но какая разница, день сейчас или ночь? Все равно не работает.

Она прислоняется к стене дома и делает маленький глоток из бутылки, в которой воды уже на доньшке.

– Не трать свою воду и возьми моей, – говорю я и протягиваю ей фляжку.

Алисса, поколебавшись, берет ее и пьет.

– Сколько я тебе должна за глоток? – спрашивает она. – Десять долларов? Двадцать?

Я улыбаюсь.

– Не переживай, – говорю я. – У меня цистерна на тридцать пять галлонов, разве ты не помнишь?

Алисса возвращает фляжку.

– Прости, – качает она головой. – Я дошла до ручки. Родители днем уехали на побережье и пока не вернулись.

– Уже шесть с половиной часов, – плеснул свою долю печальки Гарретт.

Я понимаю, что быть здесь оптимистом – это моя роль. И хотя эта роль, как правило, не по мне, в трудные времена нужно проявлять гибкость.

– Думаю, с ними все в порядке, – говорю я. – Там наверняка очереди и немалые.

– Они не отвечают на звонки, – говорит Гарретт.

– Я же тебе уже говорила, – поворачивается Алисса к брату. – У них телефоны отключились. У матери аккумулятор не держит заряд, а отец всегда забывает зарядить свой.

– К тому же, – вставляю я, – система перегружена. Частоты, на которых работают мобилы, не справляются, когда звонят все сразу.

– Как на концерте, – говорит Алисса, не сдерживая чувства облегчения.

– Вот именно.

– Ну что ж, – говорит она. – Тогда будем просто надеяться на лучшее.

Я рад, что смог хотя бы вселить в нее надежду.

Их собака, Кингстон, вяло подходит к Алиссе и тычется носом в ее ладонь. Нос у него не такой влажный, каким обязан быть собачий нос. Я наливаю на пол патио немного воды, чтобы он полизал, что пес и делает.

– Послушай, – говорю я. – Я тут подумал и нашел для вас новый способ добычи воды.

Я произношу это интригующим тоном, каким фокусники объявляют свой новый номер.

– Какой? – спрашивает Гарретт.

– Я покажу.

И я иду внутрь их дома, прямо на кухню.

– Морозильная камера, – объясняю я. – Вы соскребали лед с ее стенок?

– В первый же день, – отвечает Алисса, сложив руки на груди. – Но у нас такой холодильник, что там ничего не замерзает. Нет у нас льда.

Я приоткрываю дверцу морозилки.

– Льда и не будет, если дверца закрыта. Но, если ее приоткрыть, вода начнет конденсироваться и замерзать на стенах. Потом лед можно соскрести и растопить.

– Это круто! – говорит Гарретт.

Я с самым небрежным видом облакачиваюсь на холодильник, нечаянно закрывая дверцу морозилки, и говорю:

– В младших классах я был вторым по рейтингу.

– А почему не первым? – издевательским тоном спрашивает Гарретт.

Теперь улыбается Алисса.

– Не отвечай, – произносит она. – Это ведь из-за Зейка Сринивасар-Смита?

Услышав имя своего вечного соперника, своего адского проклятья, я глубоко вздыхаю. Зейк Сринивасар-Смит. Ученик, прибывший по обмену бог-знает-откуда и, весьма вероятно, генетический мутант.

Похоже, между нами пробежала искорка настоящего взаимопонимания, поскольку Алисса явно хочет рассказать свою историю, связанную с Зейком (у каждого в нашей школе была своя байка про Зейка), но тут ее внимание отвлекает нечто, происходящее на экране стоящего в гостиной телевизора. Программа новостей.

Показывают кадры столкновений полиции с разъяренными толпами на улицах в центре Лос-Анджелеса, и ведущий – один, а ведь они обычно работают парой, – говорит:

– В целях предосторожности жителям рекомендовано не выходить из дома и сохранять спокойствие.

Но на фоне слов ведущего, который пытается утихомирить зрителей, контрастом к его словам внизу экрана бежит строка: «Южные районы штата официально объявлены зоной катастрофы».

И здесь телевизор вырубается. Это Гарретт, он его выключил. А пульт управления спрятал, чтобы ни я, ни его сестра не смогли его вновь включить.

– Я не хочу на это смотреть, – говорит Гарретт. – Они делают все, чтобы у нас крыша поехала.

– Они говорят, чтобы мы сохраняли спокойствие, – напоминает Алисса.

– Ну да, именно это говорили людям на «Титанике», когда уже было известно, что он идет ко дну.

Гарретт прав. С точки зрения властей, менее хлопотно иметь дело с людьми, умирающими спокойно, чем с теми, кто яростно дерется за свою жизнь.

Мы застыли в наступившем неловком молчании, но тут Алисса встает перед Гарреттом на одно колено.

– Все будет хорошо, – говорит она, правда, не вполне уверенным голосом. – Сейчас слишком темно, чтобы что-то делать. Но если до утра не вернутся, я поеду и найду их.

Когда я слышу эти слова и вижу выражение лица Алиссы, что-то странное овладевает мною – некая внутренняя, непонятная сила. То же самое я чувствовал, когда выстрелил в грудь Малески и спас ему жизнь. Это ощущение того, что ты знаешь, что делать, и сделаешь это, независимо от обстоятельств.

– Поедем вместе, – говорю я ей. – А сегодня я останусь у вас, чтобы вам было не страшно.

Алисса, усмехнувшись, качает головой.

– Нет уж, – говорит она, – спасибо. Я думаю, таким образом ты хочешь набрать очки, но я – не хрупкая девица, нуждающаяся в защите.

Я чувствую, что начинаю злиться. Значит, так она про меня думает? Она была бы права, если бы дело происходило на прошлой неделе; но сегодня то, что она назвала «очками», меня совершенно не интересует.

– Послушай, – говорю я совершенно искренне, – я знаю, что я не лучший претендент на роль твоего друга, но сегодня чем больше народу, тем безопаснее. По улицам бродят люди, сходящие с ума от жажды, и произойти может все, что угодно. В дом могут вломиться; а может случиться еще что-нибудь и похуже. Если я останусь, мы будем дежурить по очереди, и ты сможешь поспать.

– Ты думаешь, мне удастся уснуть?

– Если ты собираешься завтра искать родителей, то да.

Алисса обдумывает то, что я сказал. Она колеблется, раздраженная тем фактом, что я прав, и она это понимает.

И тогда свет начинает мерцать. Мы замираем и задерживаем дыхание – как в случае, когда грозит неведомая опасность. А потом свет вырубается.

– О, черт! – стонет Гарретт. – Черт! Черт!

– Не пугайся, – говорит ему Алисса. – Такое уже было на днях. Сейчас опять загорится, вот увидишь.

Но свет не загорается, и в доме повисает настоящая, без дураков, тишина. Гудение холодильника, шелест кондиционера – все затихло. И наступившая тишина оказывается такой пугающей, такой жуткой!

Я чувствую, как кто-то хватается за меня за руку. Это Гарретт. Оказывается, я ему ближе, чем Алисса. В этом урагане я – ближайший к нему порт.

Мы начинаем слышать голоса. Соседи перекликаются, пытаюсь узнать друг у друга, какого черта вырубил свет и какого дьявола им теперь делать. То, что казалось сюрреалистическим кошмаром, обернулось явной и жесткой реальностью.

Постепенно глаза наши начали привыкать к неясному сумеречному свету, льющемуся из западных окон.

Я знаю, что нужно делать.

– Мне нужно уйти...

Но не успеваю я закончить фразу, как вмешивается Гарретт:

– Нет! Ты обещал остаться!

И, хотя Алисса ничего не говорит, она так же напугана отключением электричества, как и ее младший брат. Как, собственно, и я.

– Мне нужно уйти, – повторяю я. – Но только на минутку. Проверю, как там мои родители – и назад.

А потом подхожу к Алиссе – совсем близко. В наступившей темноте ее лица я не вижу, но это и лучше. Я говорю:

– Я знаю, ты сможешь о себе позаботиться сама, и я тебе здесь *не нужен*. Но даже если и так, со мной тебе будет лучше и легче пережить эту ночь.

– Хорошо, – говорит Алисса. – Я только хотела сказать... То есть ты не должен думать...

Я знаю, куда она ведет, и избавляю ее от необходимости говорить то, что у нее на уме.

– Алисса, – качаю я головой, – то, что я решил остаться здесь на ночь, ничего не значит. По крайней мере, для тебя. И не бери это в голову.

Она облегченно вздыхает.

– Спасибо, Келтон, – говорит она и добавляет: – Если это что-нибудь и значит, так только то, что тебя официально лишили титула «жуткого парня, живущего по соседству».

– Ты считала меня «жутким»?

Алисса пожимает плечами:

– Типа того.

Я стараюсь понять.

– Ну что ж, – говорю я наконец, – типа, так и было.

И ухожу, напомним, чтобы они обязательно заперли за мной дверь.

Мой дом – настоящий маяк в кромешной темноте. Независимый от городской инфраструктуры, полностью самодостаточный. Мать спит на кушетке, отец, все еще в гараже, продолжает сварочные работы. Они и не знают, что в нашем районе вырубилось электричество. Но я не пристаю к ним с разговорами, потому что сказать мне нечего. Оставляю в своей комнате записку, что проведу ночь в доме Алиссы, чтобы помочь ей, пока не вернутся родители. Моей матери это понравится, потому что это лучше, чем резаться всю ночь в видеоигры с парнями, считающими, что дезодорант придуман для индейцев. Отцу мое отсутствие не понравится, но он вряд ли заявится, чтобы забрать меня домой. Конечно, поутру он непременно выскажется по этому поводу, но я как-нибудь выкручусь.

Кладу записку на подушку и, забравшись рукой под кровать, сразу нащупываю то, что мне нужно. Это черная металлическая коробка. Открываю ее, и во всей своей красе моему взору является серебристого цвета «Руджер» сорок пятого калибра. Наполняю патронами магазин, стараясь не поддаваться очарованию оружия – тем, как отражает свет лоснящийся серебристый ствол, цветом и тоном резко контрастирующий с черной матовой рукоятью, без остатка поглощающей свет...

Благодаря своей двойственной природе оружие совершенно. Сочетание светлого и темного. Сегодня я тоже существую между двумя этими полюсами. И это правильно, если я вживаюсь в роль первой линии защиты для Алиссы и Гарретта. Засунув пистолет за ремень, я спешу спуститься по лестнице и вернуться к Алиссе, но то, что я вижу, выйдя из дома, заставляет меня замереть.

Хотя улица и стоящие на ней дома из-за наступившей темноты погрузились во мрак, в свете луны я вижу столпившиеся перед нашим домом неясные фигуры. Почти все соседи вышли из своих жилищ, чтобы подивиться на свет, струящийся из нашего дома – как мотыльки, зачарованные пламенем костра. Обеспечив себе независимый источник электричества, мы стали предметом зависти соседей. И одновременно превратились в мишень. И вот я стою в дверях, и порог нашего дома, на котором я нахожусь, отделяет ту жизнь, которую мы вели раньше, от лежащего впереди будущего. Я смотрю на людей, а в ответ сотня глаз вперились в меня и в наш дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.